

АЛЕКС РУДИН

ЕГЕРЬ
НАЗАД В СССР 2

Алекс Рудин

Егеръ-2: Назад в СССР

«Автор»

2023

Рудин А.

Егерь-2: Назад в СССР / А. Рудин — «Автор», 2023

Судьба подарила мне второй шанс - прожить жизнь в любимой, хоть и давно исчезнувшей стране. Я сделаю всё, чтобы эта жизнь не была напрасной... А ещё исполню свою детскую мечту. Продолжаются приключения егеря Андрея Синицына. Скоро открытие сезона летне-осенней охоты!

© Рудин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алекс Рудин

Егерь-2: Назад в СССР

Глава 1

– Ну, и что вы задумали? – недовольно пробурчал Фёдор Игнатьевич.

Сначала мы разбудили его собаку. Она залилась звонким лаем, и ей охотно ответили псы со всей деревни. Затем в доме зажёгся свет. На крыльцо вышла Мария Антоновна в халате, накинутом на ночную рубашку. И только узнав нас, она позвала председателя.

– Ничего особенного, – ответил Павел. – Поступил сигнал, что на базе егеря Жмыхина могут быть браконьеры. Хотим проверить. Но нам потребуются свидетели на тот случай, если мы застанем их с поличным.

– А Алексей Дмитриевич вам зачем? – удивился председатель.

– Я добровольно решил примкнуть к рядам борцов с преступностью, – гордо ответил учитель.

– Мы с Андреем проверим базу, а вы с Алексеем Дмитриевичем подождёте нас в машине, – объяснил Павел. – Если там всё спокойно – мы просто уедем, никто и не заметит.

– А если нет?

– Тогда мы подадим вам сигнал выстрелом. Вы подъедете и засвидетельствуете факт браконьерства.

– Разумно, – согласился Фёдор Игнатьевич. – Жмыхин, говорите? Тот самый, который хотел обе базы на озере заграбастать? Понятно. Ну, открывайте ворота, а я пока мотор прогрею.

Мы с Павлом оттащили в сторону пролёт штакетника, который председатель гордо назвал воротами. А Фёдор Игнатьевич влез в кабину «Газика» и завёл двигатель.

Прямой дороги из Черёмуховки к озеру не было. Пришлось ехать через Сарью в направлении Киселёво. За Сарьей влево отходила лесная дорога на Светлое. А от него до озера было подать рукой.

Не успели мы выехать из Черёмуховки, как в свете фар метнулась быстрая серая тень. Крупный заяц выскочил на дорогу, ошалело взглянул на нас и поскакал вдоль обочины, высоко вскидывая задом.

– Вот дурак! – беззлобно проворчал Фёдор Игнатьевич. – Нет бы в лес сигануть, а он вдоль дороги скачет.

Через минуту заяц опомнился и одним высоким прыжком перемахнул канаву.

На лесной дороге Фёдору Игнатьевичу пришлось сбавить скорость – колея петляла между высоких сосен, их выступающие из земли корни резкими буграми вспучивали землю. Между медных стволов поднимался густой туман. Свет фар упирался в него, словно в клубящуюся стену.

Наконец, «Газик» выкатился из леса на широкие поля, окружавшие Светлое. Через десять минут по узкой деревенской улице мы выехали на грунтовку, которая разделяла село пополам, и повернули в сторону озера. За это время туман выбрался из леса на дорогу. Он был настолько густым, что приглушал даже звук автомобильного двигателя. Так мы и катились, почти бесшумно, в мутном белёсом киселе.

– Такое впечатление, что мы не на Земле, а на Венере, – мечтательно улыбаясь, сказал Алексей Дмитриевич. Крепко держась, он сидел на заднем сиденье и вытягивал шею, с любопытством глядя в окна.

– Стойте!

В разрыве тумана я увидел отворот к базе Жмыхина. Ни за что не узнал бы его, если бы не был тут раньше.

– Фёдор Игнатьевич, давайте назад! Отъедем метров триста и остановимся на обочине.

Фёдор Игнатьевич развернул машину. Мы отъехали от поворота и заглушили двигатель. Наступила абсолютная тишина. Она казалась какой-то нереальной. Словно весь мир упаковали в тесную коробку и плотно набили ватой тумана.

– Ну, идём, Андрюха!

Павел выпрыгнул из машины, с удовольствием разминая ноги. Я вылез вслед за ним.

– Фёдор Игнатьевич, – напомнил я. – На далёкие выстрелы не реагируйте. Вот если услышите выстрел на базе – тогда сразу заводите машину, и вперёд! Не перепутаете?

– Я войну прошёл, Андрей Иванович, – улыбнулся председатель. – Всякие выстрелы слышал. Разберусь.

Похоже, ему начинало нравиться наше приключение.

Стоило мне на пять шагов отойти от машины, как она словно провалилась, исчезла в густом тумане. Я услышал приглушённый металлический хлопок – это Фёдор Игнатьевич забрался в кабину и захлопнул за собой дверцу.

Ночь уже посерело, темнота превращалась в сумерки, которые вот-вот должны были смениться рассветом. Нужно было поторапливаться.

Мы с Павлом шагали вдоль обочины. Песок под нашими подошвами еле слышно поскрипывал.

На повороте к базе Жмыхина я увидел свежие следы автомобильных шин.

– Берём чуть левее, – сказал я Павлу.

Мы свернули с дороги.

Я решил подойти к базе самым берегом озера с той стороны, которая была дальше всего от вольера с собаками. Здесь по берегу рос густой ивняк. На его фоне, учитывая густой туман, мы были практически невидимы.

На базе стояла тишина. Под широким навесом из досок и шифера скучала белая «Волга». Мотоцикл Жмыхина стоял под открытым небом. На окрашенном металле коляски поблескивали капли росы.

Павел записал номера машины. Затем вопросительно взглянул на меня.

Я пожал плечами. Одно из двух – или они уже выехали на охоту, или нам не повезло, и сегодня гости решили отсыпаться. В таком случае был смысл попытать счастья вечером или ранним утром.

Павла-то я уговорю. А вот согласятся ли на продолжение авантюры Фёдор Игнатьевич и Воронцов?

Я сделал Павлу знак оставаться на месте, а сам тихонько пошёл к причалу. Прятаться и таиться не было смысла – туман ограничивал видимость и поглощал негромкие звуки шагов. Я подошёл к самому берегу озера.

Завораживающее зрелище: пять метров чистой спокойной воды с плавающими на ней зелёными пятнами кувшинок, а дальше – таинственная непроницаемая мгла. Впрочем, утренний ветерок уже начал разгонять её.

Нам повезло – у причала не хватало одной лодки. Я точно помнил, что в мой прошлый приезд сюда их было пять, и ещё одна, свежеекрашенная, сохла на берегу. Именно её и не было видно.

Значит, всё-таки, уплыли! Ну, теперь оставалось только ждать.

Ожидать пришлось недолго. Едва ветер и поднимающееся солнце разогнали туман, как от дальнего берега озера послышались выстрелы. Стреляли явно на моём участке. Я сжал кулаки и стиснул зубы. Затем взял себя в руки и огляделся в поисках укрытия.

Мы с Павлом сидели за высокой поленницей дров. Она была сложена так удачно, что прикрывала нас и со стороны дома, и со стороны причала для лодок. Сами же мы, слегка прижавшись к чурбакам, могли видеть весь ближний берег озера.

Выстрелы, продолжались с неравными промежутками, постепенно приближаясь. Я понял, что браконьеры постепенно плывут вдоль берега к базе, попутно выпугивая уток из прибрежного тростника. Через час или полтора они будут здесь.

Потрявоженные утки парами и небольшими стайками носились над озером. Им бы сейчас спокойно кормиться, но тишина летнего утра была грубо нарушена вооружёнными уродами, которые решили, что закон писан не для них.

Я переломил ружьё и вложил в стволы два патрона с крупной дробью. Павел вытащил магазин из своего пистолета, проверил его и защёлкнул обратно.

Внезапно возле самого причала раздался выстрел, за ним – второй. Делавшая круг над озером кряква подломилась в полёте и с громким всплеском рухнула в воду.

Я услышал плеск вёсел и укоризненный голос Жмыхина:

– Валентин Григорьевич! Я же просил не стрелять возле базы. И так нормально набили за утро.

– Не переживай, Дима! – со смехом ответил ему кто-то незнакомый. – Кого нам тут опасаться?

Со стороны дороги раздалось тарахтенье «Газика».

Ах, чёрт! Фёдор Игнатьевич услышал выстрелы около базы и теперь торопился сюда.

– Идём, Паша!

Я перехватил ружьё и шагнул из-за поленницы на берег.

Лодка тенью выплыла из-за кустов ивняка.

На носу сидела симпатичная черноволосая девушка. Она зябко куталась в большую, не по росту, фуфайку. Одна рука девушки была опущена за борт, кончиками пальцев она задумчиво чертила по воде.

Жмыхин грёб и продолжал что-то говорить человеку, который сидел на корме лодки. Тот снисходительно улыбался, вытаскивая патроны из стволов.

– Да помню я, что возле базы ружьё надо разряжать. Не с мальчишкой говоришь, Дима!

Я узнал его. Тот самый краснолицый, с чёрными усиками, который удирал от меня на резиновой лодке.

Увидев нас, он одним движением дослал обратно патрон и хотел защёлкнуть стволы. Но я опередил его.

– Государственная охотничья инспекция! Разрядить ружьё!

– Дима, это кто?

Жмыхин обернулся. Взгляд его стал удивлённым, а потом в нём промелькнуло отчаяние. Он быстро опустил вёсла в воду и толкнул их от себя. Лодка затормозила.

Сидевший на корме человек бросил быстрый взгляд на Павла. Милицейская форма и рука участкового, лежавшая на кобуре, видимо, удержали его от поспешного решения. Он посмотрел на Жмыхина.

– Положить ружьё на дно лодки! – вслед за мной скомандовал Павел. – Причаливаем!

К берегу с тарахтением подъехал «Газик». Из него выскочили Фёдор Игнатьевич и Воронцов. Увидев их, краснолицый сузил глаза.

– Целую облаву устроили?

Его верхняя губа поползла вверх в презрительной усмешке.

– Положить ружьё! – ещё раз повторил Павел. – Я не шучу! Выйти из лодки и предъявить документы!

– А не обоссешься, участковый, когда мои документы увидишь? – издевательским тоном спросил краснолицый. – А то смотри – так в мокрых штанах и пойдёшь в дворники проситься, когда из органов вышвырнут.

Он подчёркнуто медленно положил ружьё на дно лодки. Посмотрел на сгорбившегося Жмыхина.

– Извини, Дима! Тут ты сам недоглядел, тебе и отвечать. Давай, причаливай! Выпусти Жанну!

Жмыхин ничего не ответил. Он как будто не слышал обращённых к нему слов. Руки егеря по-прежнему лежали на вёслах.

– Причаливай, кому говорю! – грубо окрикнул его краснолицый.

Жмыхин чуть заметно шевельнул вёслами. Нос лодки мягко ткнулся в причал.

– Жанна, вылезай и разбуди Ваньку! Пусть заводит машину. Ждите меня там, я скоро. Только разберусь с этими защитниками природы.

Краснолицый вёл себя слишком нагло, точно был абсолютно уверен, что браконьерство сойдёт ему с рук. Я ощутил беспокойство.

Надо было всё-таки надавить на его жену и точно узнать – какую должность занимает её муж.

Да ну, ерунда! Мы их взяли с поличным и свидетелями, никуда они не денутся! Кто бы он ни был – отвечать будет по закону.

Девушка обеими руками ухватилась за столб причала.

– Мне кто-нибудь поможет? – капризным голосом спросила она.

– Карабкайся сама, – рассмеялся её спутник. – Рыцарям некогда – они нас на прицеле держат!

Он явно провоцировал нас и делал это с удовольствием.

Девушка пожала плечами и неуклюже выбралась на причал. Поднялась на ноги, отрянула колени и неторопливо пошла мимо нас к дому егеря. Нас с Павлом она словно не замечала.

– Девушка, стойте! – остановил её Павел. – Предъявите документы.

Она посмотрела на участкового сверху вниз, потом повернулась к черноволосому.

– Валик, они издеваются надо мной? Сделай что-нибудь!

– Ну-ка, пропустите её! – скомандовал краснолицый, становясь серьёзным. – Документы у неё в сумочке, а сумочка в доме. Жанна, принеси им свои документы.

Он посмотрел на нас и снова хищно улыбнулся.

– Никуда она без меня не денется. Подождёт, пока я с вами разберусь.

Павел молча посторонился.

Жанна дёрнула плечом и неторопливо пошла к домику базы.

– Дима, ты заснул, что ли?

Краснолицый снова обратил внимание на Жмыхина.

– Разверни лодку, дай мне вылезти!

Жмыхин сделал три вялых гребка. Лодка медленно развернулась кормой к причалу.

В этот момент я заглянул в лодку и увидел на дне между скамейками несколько убитых уток.

Отлично! Значит, добыча у браконьеров есть. Тогда в чём подвох?

Краснолицый ловко выбрался из лодки на доски причала. Потянулся всем телом, словно большой жирный кот. Потом потряс кистями рук.

– Ох, как тело-то затекло! И задницу отсидел.

Он нарочито неторопливо сделал несколько приседаний, разводя руки в стороны. Его поведение безумно раздражало, но фактически придраться было не к чему.

Павел тоже это понял. Я услышал, как он глубоко вдохнул. Затем участковый сказал очень спокойным голосом:

– Предъявите, пожалуйста, документы!

– Пожалуйста, пожалуйста! – улыбнулся краснолицый.

Глаза его превратились в узкие щёлочки, но при этом остались злыми. Он запустил два пальца в нагрудный карман, достал оттуда красную книжечку и протянул её Павлу.

– Вот, пожалуйста!

Павел взял удостоверение, раскрыл его и прочитал вслух:

– Самохвалов Валентин Григорьевич, секретарь партийного комитета завода номер три.

– Именно! – улыбнулся краснолицый. – А теперь, товарищ участковый, позвольте взглянуть на ваше удостоверение.

Он внимательно рассмотрел удостоверение Павла.

– Товарищ Вольнов. Хорошо, я запомнил. Итак, товарищ Вольнов, какие у вас претензии ко мне и к моей спутнице?

Он спрашивал уверенным голосом и требовательно смотрел в глаза Павла. Я увидел, как Павел непроизвольно поворачивается ко мне, и вмешался в разговор:

– Вы задержаны в момент незаконной охоты на водоплавающую дичь, Валентин Григорьевич. Вы занимались охотой во время запрета, без соответствующих документов. В лодке находится незаконно добытая птица. Будьте добры, предъявите разрешение на оружие!

Самохвалов повернулся ко мне.

– А вы – тот самый Синицын, да? Временно исполняющий обязанности егеря?

Его вопрос прозвучал издевательски.

– Я слышал, вы учитесь в лесотехническом институте. И наверняка пропускаете лекции. Иначе знали бы, что требовать документы на оружие можно только у вооружённого человека.

Я, не дрогнув, выдержал его взгляд.

– Ваше ружьё лежит в лодке. Мы все видели его у вас в руках.

Самохвалов торжествующе улыбнулся.

– Не всё таково, каким кажется, юноша! Скоро вы это поймёте. Это не моё ружьё. Я из него не стрелял и охотой не занимался. Мы просто катались на лодке.

– У вас в лодке добытая дичь!

Самохвалов пожал плечами.

– Возможно. Но при чём здесь я? У меня ружья нет. А это – ружьё вашего коллеги-егеря. И уток добыл тоже он. С него и спрашивайте за нарушение.

Это был сокрушительный удар. У меня даже дыхание перехватило.

– Но...

Увидев выжидающий взгляд Самохвалова, я сдержался из последних сил. Этот гад специально провоцировал нас последние пятнадцать минут. Я знал, что он браконьер. И он знал, что я это знаю. Но бессовестно валил свою вину на Жмыхина, полностью уверенный, что выйдет сухим из воды.

Я перевёл взгляд на Жмыхина. Он по-прежнему сидел в лодке, сгорбленный, жалкий. Голова опущена, словно егерь очень внимательно разглядывал носки своих сапог.

– Дмитрий Константинович! Это ваше ружьё?

Жмыхин молчал.

– Пропустите! – начальственным тоном сказал Самохвалов.

Но Павел загородил ему дорогу.

– Гражданин Жмыхин! – окликнул он. – Вы подтверждаете, что ружьё ваше, и стреляли из него только вы?

Жмыхин вздрогнул и поднял голову. Но смотрел он не на нас, а на Самохвалова.

– А как же...

И тут Самохвалова словно подменили.

– Что-то хочешь сказать, Дима? Может, ты оклеветать меня решил? Скажешь, что это я уток настрелял из твоего ружья? Что молчишь? Браконьерил – умей и ответ держать! А у меня времени нет. Пропустите!

Павел сделал шаг в сторону. Он уже понял, что задерживать Самохвалова бессмысленно – без железных доказательств только наживёшь неприятности. Браконьерство Жмыхин возьмёт на себя.

Но Самохвалову было мало просто уйти. Он повернулся ко мне.

– Как-то очень уж вовремя вы здесь появились, товарищ Синицын! Я слышал, что у вас нога болит, дома сидите. А вы здесь. Уж не поступил ли вам какой-нибудь сигнал? Ну, что вы молчите? Скажите откровенно – и я, может быть, прощу вам обвинение в клевете.

Самохвалов с наслаждением выплёвывал слова прямо мне в лицо.

– Так что же мы будем делать, товарищ Синицын? Вы прилюдно и безосновательно обвинили меня в браконьерстве. Думаете, это сойдёт вам с рук? Хороши егеря, нечего сказать! Один браконьерит во вверенных ему угодьях. Другой пытается свалить вину своего дружка на не причастных. Надо, надо разобраться с вашим коллективом! Крепко разобраться, по партийной линии!

Я стоял к Самохвалову лицом, но краем глаза увидел движение Жмыхина. Должно быть, от отчаяния он дошёл до крайней черты. Потому что вдруг быстро наклонился, схватил со дна лодки ружьё и вскинул его к плечу. Стволы уставились на меня.

Выстели Жмыхин навскидку – у меня не было бы ни единого шанса. Но он потерял долю секунды на прицеливание, и этого времени хватило Павлу, чтобы выхватить пистолет.

Оглушительно грохнуло. Больно обожгло щёку. Жмыхин пошатнулся, но удержал ружьё и со злобной гримасой снова навёл его на меня. Раздался звонкий щелчок.

Жмыхин выронил ружьё на дно лодки, а сам схватился за плечо и осел на скамейку.

Заряд дробы прошёл мимо меня, угодил в грудь Самохвалова и разворотил её. На близком расстоянии дробь куда хуже пули – она разорвала мышцы, перемолотила рёбра и внутренние органы.

Самохвалов упал на спину, попытался подняться, опираясь на локти, но руки подломились. Пальцы скребли по траве. На сером свитере проступило кровавое пятно и пошло увеличиваться в размерах. Я видел, как Самохвалов разевает рот, словно вытащенная на берег рыба. Голова его запрокинулась, он захрипел, изо рта потекла кровь. На губах запузырилась розовая пена, пачкавшая чёрные усики. Через минуту Самохвалов замер на мокрой траве, бессмысленно уставившись глазами в небо.

Опомнившись, мы с Павлом бросились к Жмыхину и вытащили его из лодки. Он не сопротивлялся, только вскрикнул, когда участковый грубо заломил ему руки за спину и защёлкнул на запястьях наручники. Плечо Жмыхина кровило, Павел прострелил его.

– Фёдор Игнатьевич! – закричал участковый. – Заводи!

От домика базы к нам бежали Жанна и молодой парень. В руках парня был топор.

– Стоять, милиция! – крикнул я.

Они в нерешительности остановились.

– Андрюха, помоги!

Фёдор Игнатьевич выскочил из кабины и откинул задний борт. Мы с Павлом подняли Самохвалова и потащили его к машине. Голова его безжизненно моталась, тело обвисало, словно мешок с песком.

Жанна взвизгнула и вцепилась в руку парня.

– Убили! – всхлипывала она.

Рот парня широко раскрылся.

Глава 2

Ленинград. Квартира генерал-лейтенанта Вотинова

Александр Сергеевич Тимофеев поднялся по широкой лестнице, которую устилала зелёная ковровая дорожка. Лифт в парадном генеральского дома был, но Александр Сергеевич, несмотря на полноту, всегда поднимался на третий этаж пешком. Ему очень нравились широкие пролёты этой лестницы, её невысокие, удобные ступеньки и ниши на площадках, выкрашенные приятной жёлтой краской. До революции в них стояли гипсовые копии греческих богинь, но сейчас ниши пустовали.

Высокие, выходящие на Неву окна делали лестницу светлой и праздничной. У каждого окна можно было остановиться и часами наблюдать, как по набережной гуляет народ и шуршат шинами автомобили.

Ненадолго останавливаясь возле окон, чтобы перевести дыхание, Тимофеев добрался до двери в генеральскую квартиру. Нажал кнопку звонка, и звонок прозвенел солидно и мелодично, словно небольшой церковный колокол. Левая створка высокой двери бесшумно отворилась.

– Проходите, пожалуйста! – улыбнулась Тимофееву круглолицая девушка лет девятнадцати с гладко зачёсанными назад русыми волосами. – Папа в кабинете.

Александр Сергеевич разулся в просторной прихожей и внимательно взглянул на себя в большое старинное зеркало в ореховой раме, висевшее на стене. Пригладил волосы и поправил ворот рубашки. В противовес несолидной округлой фигуре, он любил выглядеть опрятно.

Улыбнувшись своему отражению и проверив заодно состояние зубов, Тимофеев постучал в дверь кабинета.

– Входи ты уже – раздался нетерпеливый голос генерала. – Полчаса в прихожей топчешься!

В кабинете было накурено. На красном сукне придвинутого к окну письменного стола ровными стопками лежали бумаги. Вообще-то, сукну полагалось быть зелёным. Но исходный материал давно вытерся, а когда пришло время замены – зелёного цвета не нашлось. Генерал махнул рукой, и стол обтянули красным, или как его называл Вотинов – «коммунистическим» сукном.

Генерал-лейтенант Вотинов сидел на широком кожаном диване. Возле дивана на журнальном столике стояла едва початая бутылка армянского коньяка. Рядом на блюдечке с неременной золотой каймой лежали тонко порезанный лимон и сыр. Пепельница была полна окурков.

– Проходи, Саша, садись!

Генерал хлопнул ладонью по кожаному сиденью дивана. Сам поднялся, достал из застеклённого книжного шкафа второй бокал и поставил его перед гостем. Не спрашивая, разлил по бокалам коньяк.

– Супруга моя на рынке, а я сегодня отдыхаю. Но боюсь – как бы не дёрнули в управление после обеда. Давай, рассказывай – что там с этим Жмыхиным.

Тимофеев подробно пересказал Георгию Петровичу страшное происшествие на охотничьей базе.

– Значит, Жмыхин утверждает, что стрелял в Синицына, но промахнулся и попал в Самохвалова? – переспросил генерал.

– Я сам протокол не видел, – осторожно ответил Тимофеев. – Но Андрей Иванович рассказал мне, что следователь спрашивал его – что они со Жмыхиным не поделили.

– Не видел протокол – это правильно, – задумчиво сказал генерал. – Кто ж тебе его покажет? Хорошо, я уточню по своим каналам. И дай бог, чтобы Жмыхин не отказался от показаний. Понимаешь?

– Понимаю, Георгий Петрович, – ответил Тимофеев. – Потому и пришёл. Одно дело – схваченный на браконьерстве егерь, который решил отомстить за свою поимку. И совсем другое – преднамеренное убийство партийного работника. И мне показалось, что следователь хотел бы ухватиться за эту версию.

– Конечно, хотел бы, не сомневайся! Из бытового убийства раздуть заговор против партии – это знаешь, какой карьерный рост, Саша? В прошлые годы таких умельцев хватало, да и сейчас ещё не перевелись.

Генерал сделал глоток коньяка. Двумя пальцами взял с блюда ломтик лимона, тонко посыпанного молотым кофе, и отправил его в рот. Поморщился.

– Эх! Нельзя мне с моим желудком эту кислятину, а удержаться не могу!

Тимофеев тоже пригубил коньяк и взял с тарелки сыр. Сыр был свежий, со слезой и пах молоком.

– Так вот, Саша, – сказал генерал. – Направить следствие в нужное русло я не смогу. Здесь всё зависит от следователя. Но буду держать руку на пульсе. Попробую подключить своих ребят. Но и ты тоже хорош! Неужели не знал, что этот партийный гусь повадился ездить к Жмыхину?

– Не знал, – вздохнул Тимофеев и почти не соврал.

Он и в самом деле предпочитал не знать, почему парторгу завода номер три полюбилась база в захолустье у Елового озера. Гнал от себя эти мысли, чтобы избежать скандала с неприятными последствиями. А скандал как раз и случился. Да ещё какой!

Оказывается, покойный Самохвалов постоянно ездил к Жмыхину со своей любовницей. Этот факт скрыть не удалось – девушка стала свидетельницей убийства. Правда, она числилась секретаршей парторга, но ведь все понимают, зачем нужна секретарша во время отдыха.

– Одно обстоятельство работает в твою пользу, – неожиданно сказал Георгий Петрович, наливая ещё коньяку. – Тесть Самохвалова. Старик хоть и на пенсии, но кое-какие связи у него остались. И сейчас он изо всех сил пытается выставить смерть зятя обычным трагическим происшествием. Эх, если бы ты раньше мне сказал! Неужели, и вправду, не знал? Ну-ка, посмотри на меня!

Генерал уставился на Тимофеева пристальным взглядом. Глаза его потемнели от досады.

– Ох, Саша! Что ты за человек? Приди ты ко мне раньше – Самохвалов получил бы от тестя по шапке и остался жив. Да и на Жмыхина у тебя были бы материалы, чтобы уволить его по-тихому. А ты как африканский страус – всё голову в песочек прячешь. Смотри – однажды доберутся до задницы, крепко пожалеешь!

За стеной хлопнула входная дверь. В прихожей раздался шорох. Затем приятный женский голос пропел:

– Гоша! Георгий Петрович! Мы вернулись!

– Супруга, – шепнул генерал Тимофееву.

Он схватил со столика бутылку, быстро плеснул себе и Тимофееву, а саму бутылку поставил за спинку дивана.

– Давай! – скомандовал генерал и одним глотком проглотил содержимое своего бокала.

Александр Сергеевич был человеком штатским и потому не успел. Только он взялся за бокал, как дверь кабинета открылась. В комнату заглянула Галина Петровна – жена генерала Вотинова.

Высокая и стройная, она была из тех женщин, которые в возрасте за сорок выглядят лучше, чем в юности. Несмотря на трое родов, Галина Петровна сумела сохранить фигуру, а седые корни волос аккуратно подкрашивала у лучших парикмахеров Ленинграда.

А ещё Галина Петровна была очень умной женщиной. Поэтому, заметив бокалы и блюдо с закуской, ничего по этому поводу не сказала и даже не нахмурилась.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич! – улыбнулась она Тимофееву.

А затем повернулась к мужу.

– Георгий, нам повезло! Мы с Алёной достали великолепную телятину. Обед будет через сорок минут. Надеюсь, ты пригласишь Александра Сергеевича остаться.

С этими словами Галина Петровна ещё раз кивнула мужчинам и вышла из комнаты.

– Видал? – снова прошептал Георгий Петрович Тимофееву. – Какова, а? Королева! Значит, решено – остаёшься обедать. И не вздумай возражать!

Но возражать Александр Сергеевич и не собирался. Наоборот, при мысли о генеральском обеде у него свело желудок в сладком томлении, а рот наполнился слюной.

– Давай-ка, ещё по глоточку, для аппетита, – сказал генерал. – Да сыр бери, не стесняйся! Вон, как у тебя глаза-то блестят от голода. Вот что! Я тебе потом отрежу немного сыра и колбаски копчёной – порадуешь своих.

– Не нужно, Георгий Петрович, – возразил Тимофеев.

Но генерал только хлопнул ладонью по журнальному столику, пресекая возражения.

– Что думаешь делать с Синицыным, Саша? – спросил он.

– А что с ним делать? – удивился Тимофеев. – Пусть работает.

– Сезон скоро открывается, – напомнил генерал. – А на базу вместо Жмыхина ты кого посадишь?

– Базу, наверное, придётся пока закрыть, – вздохнул Тимофеев. – Человека туда я быстро не найду. Да и ещё одна заковыка есть.

– Какая?

Георгий Петрович поднял брови.

– Жмыхин у нас работал давно, – виновато сказал Александр Сергеевич. – Вообще-то, егерю полагается жить на базе. Но он выпросил разрешение построить себе дом на землях охотхозяйства. Мы этот дом провели по документам, как постройку, принадлежащую базе.

– Так в чём проблема? – удивился генерал.

– Там жена Жмыхина осталась, – сказал Тимофеев. – Теперь ума не приложу – что с ней делать. Не выгонишь же на улицу. Да и жена за мужа не отвечает.

– Ох, Александр Сергеевич! Хитёр ты, как лис! Ладно, уговорил! Съездим вместе на базу, на месте разберёмся. Да завтра и поедем – чего тянуть? И Синицына туда вызови.

– Да не согласится он, – возразил Тимофеев. – К тому же, у него свой участок есть. А там я кого посажу?

– Вот ты вызови, а мы на месте и поговорим. И позвони-ка ты ему прямо сейчас!

С этими словами Георгий Петрович ухватил Тимофеева под локоть, вежливо, но непреклонно поднял с дивана и повёл к стоящему на столе телефону.

Еловое озеро. Утро

Лодка медленно и бесшумно продвигалась по зеркальной воде. Я едва шевелил вёслами, тихо, без всплесков опуская их в воду. Хорошо смазанные уключины не скрипели. На всякий случай я обмотал их старой рубашкой, разорвав её пополам.

Со времени ареста Жмыхина прошла неделя. Трижды меня вызывали в Волхов к следователю. Один раз пришлось ехать вместе с ним на базу, показывать на месте, что и как произошло в то утро. Жену Жмыхина я не видел. В дом она нас не приглашала, а следовательно не посчитал нужным с ней разговаривать. Видимо, её подробно допросили раньше.

И слава богу! Не хотел я смотреть в глаза женщины, мужа которой засадил в тюрьму. Пусть даже он был трижды виноват в этом. Пусть собирался стрелять в меня. Но так устроен человек, что не может хладнокровно наблюдать чужие страдания, хоть и заслуженные.

Поэтому я подписал протокол на тёплом капоте машины следователя и, облегчённо вздохнув, уехал вместе с ним.

Когда Тимофеев дозвонился до меня, я первым делом хотел отказаться от встречи на озере. Потому что заранее понимал, о чём пойдёт разговор.

Но Александр Сергеевич заверил, что никто не станет на меня давить.

– Мы примем любое ваше решение, Андрей Иванович, – сказал он. – Но поговорить нужно.

– Хорошо, – нехотя ответил я. – Только... Вы сказали, что приедете после обеда?

– Да, – подтвердил Тимофеев.

– Разрешите мне прийти утром пораньше и взять лодку с базы? Я хочу осмотреть озеро.

– Конечно, берите, если нужно. Но к двум часам дня мы ждём вас на базе.

– Хорошо, – повторил я и повесил трубку под любопытным взглядом Фёдора Игнатьевича.

– Сманивают тебя, – не спросил, а утвердительно сказал председатель.

Я покачал головой.

– Да пока, вроде, нет.

– Значит, будут сманивать. согласишься?

Я сердцем чувствовал, что Фёдор Игнатьевич прав. Зачем бы ещё Тимофееву вызывать меня на базу? Да ещё и Георгий Петрович приедет с ним.

– Не знаю, Фёдор Игнатьевич, – честно ответил я. – как пойдёт.

Я вышел из Черёмуховки почти затемно – небо на востоке едва посерело. Пока брезжили короткие утренние сумерки, добрался знакомой дорогой до леса и через два часа уже был на озере.

Собаки Жмыхина встретили меня неистовым лаем, но его жена даже не вышла на крыльцо. И полотняная занавеска на окне не дрогнула – я специально следил.

Пару раз за эту неделю прошли короткие дожди. Кровь давно смылась, да и трава подросла. Но я чётко запомнил место, где упал Самохвалов, и обошёл его стороной.

Ярко вспомнилось всё, что происходило сразу после убийства.

Самохвалов умер, пока мы несли его до машины. Павел проверил у него пульс, дыхание и махнул рукой.

– Бесполезно везти. Только больше мороки будет.

Мы положили труп прямо на землю – подстелить было нечего.

Заливались злым лаем собаки, почуявшие недоброе.

Жмыхин стонал сквозь зубы, сидя на траве. Павел перевязал ему простреленное навывлет плечо найденным на базе бинтом, но кровь продолжала сочиться сквозь белую марлю. Лицо Жмыхина побледнело, временами его била крупная дрожь.

Меня тоже потряхивало от мысли, что этот человек хотел меня убить. Отчего-то втемяшилось в голову, что он хотел сделать это сразу, ещё при нашей первой встрече. Просто откладывал момент, выжидал.

Я даже вспомнил удивление от того, что один человек может настолько ненавидеть другого.

Павел предложил егерю пересесть на причал или пойти в дом. Но тот лишь яростно мотнул головой.

Жена Жмыхина так и не вышла из дома. Павел постучался в дверь, выслушал что-то и молча отошёл прочь.

Фёдор Игнатьевич с Воронцовым поехали в Светлое – звонить в милицию.

Я присел на край причала и смотрел на мёртвого человека, лежавшего на земле, словно большой куль с тряпьем. Смотреть не хотелось, но я не отводил взгляд, словно Самохвалову могло стать от этого легче.

Первым примчался на мотоцикле коллега Павла из Светлого – пожилой старший лейтенант с заметной сединой в жёстких тёмных волосах. Он сообщил, что вызвал оперативную группу.

Старший лейтенант был очень недоволен тем, что мы не предупредили его о нашем рейде. Павел вполголоса объяснил, что информация о браконьерах поступила только сегодня ночью, и терять время мы не могли. Кажется, коллега ему не поверил. Видимо, решил, что Павел хотел выслужиться перед начальством.

За мотоциклом старшего лейтенанта ехал наш «Газик».

А ещё через полчаса прикатила оперативная группа на знакомом милицейском автобусе.

Первым делом в автобус посадили Жмыхина и под конвоем увезли оказывать ему медицинскую помощь. Затем за дело взялись криминалисты.

Лодку, на которой охотились браконьеры, осмотрели и увезли на экспертизу. Для этого из Светлого пригнали грузовик. Совхозный шофёр недовольно ворчал – дескать, оторвали от работы. Но, увидев кровь на траве и закованного в наручники Жмыхина, примолк и стал с любопытством оглядываться. Его плутоватый взгляд скользнул по сараям и остановился на лодках. Не знаю, о чём подумал шофёр. Но я на всякий случай подошёл к нему.

– Здесь охрану оставят. Да и я буду приглядывать за имуществом.

– А, – сразу поскуchnел шофёр. – Закурить есть?

– Не курю.

Мы вытащили лодку из воды и помогли погрузить её в кузов. В кабину вместе с шофёром сел один из милиционеров.

Следователь коротко дал ему указание. Затем дверцы грузовика захлопнулись, и он укатил в сторону города.

Нас в тот день допрашивали почти до темноты. Следователь оказался въедливым, да и убийство – не квартирная кража. Когда же следователь увидел документы убитого, вопросы посыпались лавиной.

В животе бурчало от голода, царапнутая дробиной щека болела, голова была тяжёлой и соображала плохо. Как ни странно, это оказалось на руку. Когда следователь стал подробно выяснять мою биографию чуть ли не с момента зачатия, я вдруг обнаружил, что отвечаю ему совершенно на автомате. И говорю те вещи, которые до этого времени вспомнить не мог.

Нет, иногда неизвестные прежде моменты всплывали в мозгу яркими вспышками. Но так же мгновенно затухали прежде, чем я мог в них разобраться. А тут прямо целая картина выстроилась. И не сухими строчками протокола, а живой, настоящей памятью.

Слава богу, гораздо больше следователя интересовали подробности убийства и мои взаимоотношения с Жмыхиным и Самохваловым. Иначе он точно поймал бы меня на нестыковках.

Фёдора Игнатьевича отпустили первым. Он тут же сел в машину и поехал в Светлое. Вернулся через двадцать минут и привёз бидон тёплого молока с фермы и несколько буханок хлеба. В «Газике» нашлась алюминиевая кружка. Этой кружкой мы по очереди черпали из бидона молоко, запивая им вкусный ноздреватый хлеб.

Я отвязал одну из лодок, сел на вёсла и медленно поплыл вдоль берега в ту сторону, где неделю тому назад охотились браконьеры.

Дело было вот в чём. Когда следователь заносил в протокол их добычу, среди криков и чирков я увидел крупную птицу в сером с белым оперении, с ярко-оранжевым клювом.

Это был серый гусь – птица, вполне обычная для Центральной Европы, но чрезвычайно редкая у нас. Браконьеры не пожалели редкую птицу. А может, просто не стали разбираться – сбили влёт и закинули в лодку.

И теперь я искал гнездо серого гуся. Судя по размерам, убитая птица была самкой – самцы, обычно крупнее чуть ли не вдвое. Значит, у неё вполне мог остаться выводок.

Я медленно продвигался вдоль берега, а сам поневоле любовался озером. В свете утреннего солнца спокойная вода казалась тёмным старинным зеркалом. Ближе к берегу на ней тут и там проступали оспины кувшинок. Вдоль берегов и на отмелях колыхались метёлки тростника. То и дело раздавались всплески – это хищная рыба вышла на утренний жор перед дневной жарой.

Утки на озере было достаточно. Подросшие выводки то и дело скрывались в зарослях под тревожное кряканье заботливых утиных мамаш. Утята почти сравнялись размерами со взрослой птицей и сейчас линяли, меняя детское пуховое оперение на взрослое, пригодное для полёта. Ещё немного – и встанут на крыло, начнут готовиться к дальнему пути на юг.

Я насчитал шестнадцать выводков крякв и чуть меньше чирков. Эти утки отличались от крякв меньшими размерами и двумя белыми полосками на голове.

Поневоле я поймал себя на том, что мне нравится это озеро. Здесь было тихо и спокойно, если забыть о недавнем происшествии. Лет через тридцать большинство таких озёр сплошь обрастут коттеджными посёлками и будут отгорожены от простых людей высоченными заборами с охраной. Но сейчас здесь не было ни души, кроме меня и расплывающихся по тростникам уток.

А, вот и они!

Я опустил вёсла в воду, чуть толкнул их от себя, и лодка замерла. И я тоже замер, перестав даже дышать, чтобы не спугнуть птиц.

Гусята выплывали из-за полузатопленной корявой берёзы, которая торчала прямо из воды. Не знаю, как она там очутилась – разве что сползла с корнями, когда весенний паводок подтопил низкий берег. Большинство веток на берёзе были чёрными, мертвыми, но одна упрямо зеленела.

Сколько же вас? Один, два, три... пять? А, нет! Вот ещё два – они чуть отстали от собратьев.

Гусята почти закончили линьку и оделись в блестящее серое оперение с белой опушкой.

Один гусёнок нырнул, смешно задрал кверху оранжевые лапы с перепонками. Почти сразу вынырнул, держа в клюве пучок зелёных водорослей. Ещё двое последовали его примеру. Ну, с голоду не пропадут.

Остальные плыли ровным строем, словно маленькая эскадра игрушечных корабликов.

Долиняют, поднимутся на крыло и полетят кормиться перед отлётом на осенние поля. А на озеро будут возвращаться только в сумерках для ночёвки. И ночевать станут не в зарослях тростника. Наоборот, выберут открытое место, где издали видно любого врага. Вот только кто научит их летать? Матери теперь нет рядом. Да и отца тоже не видно, хотя гуси обычно воспитывают птенцов вдвоём.

Ладно, будем уповать на инстинкты. Они редко подводят животных.

Неплохо бы их подкормить – принести в рюкзаке овса или пшеницы. Надо не забыть это сделать.

Я чуть шевельнул веслом. Гусята мигом развернулись и, не нарушая строя, скрылись за корягой. Ничего, теперь я знаю, где вас искать!

Я взглянул на часы и чуть не охнул – время давно перевалило за полдень. А ведь я ещё хотел взглянуть на пожарище, отыскать там спрятанные инструменты. Утром спешил, срезал

наискосок через лес, чтобы не идти к базе вдоль берега, не наворачивать крюк в несколько километров.

Ладно, надеюсь, разговор не затянется. Всё, что мне надо сделать – твёрдо отказаться от места Жмыхина и остаться в Черёмуховке. А на обратном пути загляну на место пожара. Прикину – что сгорело безвозвратно, а что можно восстановить. Заодно заберу инструменты – незачем им под дождём мокнуть.

Кстати, инструменты можно занести Трифону. Пусть пользуется, если нужно. И мне не придётся каждый раз таскать их на себе из Черёмуховки. Заодно и повидаю бородатого отшельника. Хотя он и не сильно скучал по людям, но я чувствовал, что мне Трифон обрадуется. Спрошу – не нужно ли ему чего из продуктов. А то и ночевать попрошусь, если пустит.

Ну, да ладно! Об этом потом.

Я сильным гребком развернул лодку и прямо через середину озера направил её к базе, которая едва виднелась вдалеке.

Эх, раз! Эх, два!

Когда я добрался до причала, собаки снова заходились лаем. «Уаз» генерала стоял рядом с навесом. Рустама не было видно. Наверное, опять пользуется моментом, чтобы подремать в кузове. Благо, Георгий Петрович не против.

Тимофеев сидел на нагретых солнцем досках причала. На голове его была надета цветная панамы – видимо, от солнца.

Генерал неторопливо прохаживался по причалу, заложив руки за спину, словно мерил его шагами. Иногда останавливался на самом краю и вглядывался в озёрную даль.

Невысокий, с широкими плечами и прямой спиной, он был похож на капитана корабля. Ему бы треуголку и кривую абордажную саблю! Представив эту картину, я едва не расхохотался.

– Веселишься, Андрей Иванович?

Генерал придержал нос лодки, подождал, пока вылезу на причал с верёвкой и накину петлю на столбик.

– Как самочувствие, настроение?

– Нормальное, товарищ генерал-лейтенант.

Георгий Петрович пристально взглянул на меня.

– Официозом прикрываешься? Умно. Только поговорить всё же придётся.

Глава 3

Георгий Петрович легко спустился с причала и хлопнул по плечу Тимофеева.

– Идём, Александр Сергеевич! Поговорим с женой Жмыхина. Андрей Иванович! Прошу с нами!

Упираться выглядело бы откровенным мальчишеством. Я пожал плечами и пошёл вслед за Тимофеевым к дому егеря.

Когда мы подошли к вольеру с лайками, собаки бросились лапами на сетку, хрипло рыча и взлаивая. Что-то необычное в их голосах привлекло моё внимание. Я посмотрел на собак.

Чёрт!

Бока лаек запали, животы были подтянуты чуть ли не к позвоночнику. Собаки тяжело дышали, из их глоток вместо рычания вырывался хрип.

До блеска вылизанные алюминиевые миски перевёрнутые валялись в неубранном собачьем дерьме.

Она не кормит собак, что ли? И воды им не даёт?

Я шагнул к двери вольера – собаки с другой стороны сетки следовали за мной, словно привязанные. Перестав рычать, они жадно следили за моими руками.

На оббитой сеткой двери висел замок.

Чёрт!

Я бросился к дому. Задев плечом генерала, взбежал на крепкое деревянное крыльцо и забарабанил в дверь.

– Откройте! Откройте немедленно!

– Что случилось, Андрей Иванович? – удивился генерал.

– Там собаки несколько дней без воды даже! Ключ от вольера нужен!

Георгий Петрович нахмурился. Сделал шаг ко мне и тоже постучал в дверь.

– Людмила Сергеевна! Будьте добры впустить нас! Дело серьёзное!

Я дёрнул дверь на себя. Заперто.

Внутри дома слышались шаги. Лязгнул крючок, и дверь открылась. В полутьме коридора блеснули женские глаза.

– Что вам нужно? Уходите, оставьте меня в покое!

Не давая генералу начать разговор, я вмешался:

– Ключ от вольера, быстро! И ведро!

Людмила Сергеевна смешалась и отступила на шаг. Я шагнул в дом и со всей убедительностью, как только мог, заговорил:

– Собаки здесь ни при чём! Если вам они не нужны – найдём, кому отдать. Но нельзя же так! Дайте ключ, пожалуйста!

В голове уже прокручивалось, что делать в случае отказа. Найти в сарае топор, сбить замок. Потом дверь можно будет запереть на проволоку, ничего страшного.

Но Людмила Сергеевна протянула руку и с вбитого в дверной косяк гвоздика сняла ключ. Протянула мне.

– Возьмите.

Я огляделся и увидел стоявшее в коридоре пустое ведро. Подхватил его, выбежал на крыльцо.

– Александр Сергеевич! Идёмте со мной, помогите!

Тимофеев молча присоединился ко мне.

Я зачерпнул из озера ведро половину ведра воды и пошёл к вольеру. Увидев это, собаки взревели и принялись из последних сил бросаться на сетку. Под их тяжестью сетка прогибалась и звенела.

– Александр Сергеевич! Я открою дверь и войду внутрь. А вы сразу придержите её, чтобы собаки не разбежались. Иначе потом не поймает – не дадутся в руки.

– Понял, Андрей Иванович! – кивнул Тимофеев.

Я повернул ключ в замке. Собачьи морды – вот они, совсем рядом! Зубы оскалены, из глоток вырывается горячее дыхание. Толстые мощные лапы рвут тупыми когтями неподатливую сетку.

Я отбросил замок в сторону и подхватил ведро.

– Держите!

Через узкую щель проскочил в вольер. И сейчас же Тимофеев захлопнул за мной дверь и навалился на неё телом.

Зубы лязгнули возле запястья.

– А ну, ...! – грубо прикрикнул я, и собаки отскочили в сторону, неотрывно следя за мной горящими глазами.

Я ногой перевернул миску и налил в неё воды. Один из кобелей тут же подскочил, просунул морду прямо мне под руки и принялся жадно и шумно лакать. Второй крутился рядом, пытаясь тоже подобраться к миске.

Я поставил ему ведро. Пёс засунул голову внутрь.

Бока собак ходили ходуном, раздувались.

Пользуясь тем, что собаки заняты, я выскочил из вольера. Тимофеев прижал дверь, а я подобрал замок и просунул дужку в проушины. Запер и сунул ключ в карман, чертовски хорошо понимая, что этим простым движением, возможно, беру на себя ответственность.

– Пойдёмте в дом, Александр Сергеевич! Надо накормить собак и поговорить с хозяйкой.

Мы снова поднялись на крыльцо, с которого была видна озёрная даль и окаймлявшие её лесные заросли. Эх, хорошо здесь, всё же!

Я снова невольно подумал, что через пару десятков лет такой участок на берегу будет стоить бешеные миллионы. И вряд ли я смогу позволить себе его купить.

В доме отвратительно пахло прокисшей едой, грязным бельём и мусорным ведром. Похоже, с того момента, как арестовали Жмыхина, его жена просто опустила руки и ничего не делала. Я хорошо понимал её душевное состояние – остаться одной в лесной глуши, без привычной жизни, без поддержки и без понимания, что делать дальше.

Людмила Сергеевна и генерал сидели за столом возле окна напротив друг друга. Голова женщины низко склонилась, она смотрела в стол перед собой и тихо повторяла:

– Что мне делать теперь? Ничего не понимаю. К сестре ехать? А зачем я ей нужна? Квартира маленькая от родителей осталась. А сестра там с мужем и детьми. Я ведь не в гости к ним приеду – насовсем.

– Людмила Сергеевна, – вмешался я. – У вас крупа есть? Что вы собакам варите? И в какой кастрюле?

Женщина замолчала. Поднялась, открыла дверцу кухонного шкафа.

– Вот, здесь пшено.

Она показала мне на мешок, стоявший на нижней полке. Он был наполовину полон крупой.

– Здесь кастрюля.

Ко дну семилитровой алюминиевой кастрюли намертво присохли остатки каши. Видно, Жмыхин не успел её помыть.

– Пойдёмте со мной.

Людмила Сергеевна вывела меня в коридор и показала на стоявший у стены тридцатилитровый молочный бидон, укрытый брезентом.

– Там мясо. Одной крупой кормить вредно. Только его надо прополоскать от соли и...

Мясо? В металлическом бидоне, на летней жаре?

Она не договорила. Повернулась и пошла обратно в дом.

Я пошёл за ней. Взял кастрюлю и вернулся к бидону. Заранее наморщив нос, отстегнул защёлку и поднял тяжёлую крышку с резиновым кольцом уплотнителя.

Бидон был набит небрежно порубленными кабаньими рёбрами и копытами. Тут же лежали куски разрубленной головы. Всё это залито крепким рассолом, который не давал мясу протухнуть, и отбивал запах.

Ну, Жмыхин!

Несмотря на рассол, в мясе копошились черви.

Я сунул руку в бидон, взял несколько скользких кусков и бросил их в кастрюлю. Закрыв бидон крышкой и пошёл на озеро, подальше от причала. Нашёл удобный спуск, вытряхнул мясо в воду – пусть отмокает от соли. А сам пучком травы принялся отмывать кастрюлю.

Крупинки присохшей каши крохотными жёлтыми шариками медленно оседали на песчаное дно. Их подберут мальки – никакого вреда природе. Главное – не мыть посуду с мылом.

Зачерпнув горсть песка, я отгёр пригоревшую кашу и сполоснул кастрюлю. В воде поднялось облако мути, к которому сразу же кинулись мелкие рыбёшки.

От этого медитативного занятия меня отвлекло рычание двигателя за спиной. Я обернулся и увидел, как на территорию базы въезжает военный «ЗИЛ-157» в защитной окраске. Над высокими бортами кузова в такт движению покачивались стриженные головы солдат.

Ничего себе! Вызвать военных мог только Георгий Петрович. А зачем?

Грузовик остановился напротив базы. Из кабины выскочил белобрысый сержант.

– Отделение! Стройся! – громко скомандовал он. Заметное оканье выдавало в нём уроженца русского Севера.

Солдатики проворно посыпались из кузова и выстроились вдоль грузовика.

Георгий Петрович вышел на крыльцо. Наверняка увидел в окно, что грузовик приехал.

Сержант подбежал к нему.

– Товарищ генерал-лейтенант! Отделение по вашему приказу прибыло! – доложил он, вскинув ладонь к пилотке.

– Вольно! – махнул рукой Георгий Петрович. – Пока всем отдыхать!

– Отделение, вольно! – скомандовал сержант. – Приказ – отдыхать!

Я зачерпнул в кастрюлю воды, бросил в неё отмокшее мясо и поспешил в дом. Сержант проводил меня настороженным взглядом, но честь отдавать не стал.

Генерал и Людмила Сергеевна снова сидели за столом. Но теперь жена Жмыхина выглядела совсем по-другому. Глаза её горели, щёки покраснелись. Она смотрела прямо на генерала.

Я поставил кастрюлю на плиту, положил в топку пару поленьев. Сунул между ними растопку и чиркнул спичкой. Огонь затрещал, разгораясь, а я прислушивался к разговору.

– Вправду возьмут? – полным надежды голосом спрашивала Людмила Сергеевна.

– Возьмут, – кивнул Георгий Петрович. – Продавщицей в магазин в военном городке. Прежняя продавщица уходит в декрет, вы будете за неё. Выделим служебную квартиру. Солдаты помогут с переездом. Машина у крыльца. Согласны?

– Спасибо, товарищ генерал!

По щекам Людмилы Сергеевны текли слёзы. Она, всхлипывая, закрыла лицо руками. Худые плечи затряслись.

– А Митя как же? – глотая слова вперемешку со слезами, спросила она.

– Мужу вы вряд ли поможете, – откровенно сказал Георгий Петрович. – Накуролесил он – дальше некуда. Ну, а если свидание дадут – так из военного городка ещё проще добраться, чем отсюда. Ну? Согласны?

– Согласна! – выдохнула Людмила Сергеевна.

– Тогда час на сборы, – поглядев на часы, сказал генерал. – Солдаты помогут погрузить вещи. К вечеру будете на месте, завтра примете магазин. Но уговор – работать на совесть! Я за вас поручился.

– Да я, товарищ генерал...

Жмыхина снова зарыдала.

Вода в кастрюле закипела, покрылась серыми клочьями пены. Я ложкой снял пену и всыпал в кипяток пару кружек крупы.

– Людмила Сергеевна! – подозвал её генерал. – Мы пойдём, осмотрим базу. Собирайтесь спокойно. Только приглядите за кормом для собак, ладно?

Женщина молча закивала.

– Они так выли, – вдруг сказала она. – Я думала – с ума сойду. А уехать и бросить не могла. Решила – сдохнут, тогда уеду.

И снова горькие слёзы потекли по её щекам.

Мы вышли на воздух.

Увидев генерала, сержант снова подскочил с чурбака, на котором сидел и поспешно затушил папиросу.

– Отделение! Стройся!

– Товарищ сержант, ко мне! – махнул ему Георгий Петрович.

Сержант подбежал к нам.

– Слушай задание. На нас внимания не обращать. Мы здесь просто гуляем. Там, в доме женщина. Поступаете в её распоряжение. Поможешь ей собрать вещи, погрузишь в машину и с четырьмя бойцами отправишь в расположение части. Там старший доложит командиру о прибытии. Понял?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

– Сам с остальными бойцами останешься здесь и поступаешь в распоряжение Андрея Ивановича Синицына. Вот он.

Георгий Петрович кивнул на меня.

– Он покажет вам фронт работ и объяснит, что делать. Ты сам откуда?

– Вологодский, товарищ генерал-лейтенант!

– Плотничать умеешь?

– Так точно! С отцом до армии дома рубил!

– Отлично, сержант. С сегодняшнего дня и до окончания работ ты со своим отделением ежедневно прибываешь сюда. Приказ командира части у вас будет. Транспорт и сухой паёк вам обеспечат. Но советую взять котёл и готовить горячую пищу. Сумеешь обеспечить?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

– Выполнять!

– Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант!

Через минуту на берегу закипела работа. Солдаты грузили в машину мебель, посуду, узлы с вещами.

Георгий Петрович взял меня под локоть.

– Андрей Иванович! Независимо от исхода нашего разговора я прошу тебя показать бойцам место пожарища и объяснить, что нужно делать. Уверен, они успеют отстроить домики к началу сезона охоты.

Я тоже был в этом уверен. Разумный приказ и железная дисциплина – в подавляющем большинстве случаев это залог успеха.

Мы подошли к причалу.

– Убийство случилось здесь? – прямо спросил генерал.

– Да, – кивнул я.

– Страшно было?

Я пожал плечами.

– Сначала нет. Ничего не успел сообразить. А потом – да, испугался.

Я думал, что Георгий Петрович скажет что-то ободряющее, или банальное. Вроде «хорошо, что всё обошлось», или «смерти боятся все».

Но генерал помолчал, а потом пошёл дальше вдоль берега.

– Давай, я тебе прямо скажу, Андрей Иванович, чего мы от тебя хотим.

– Давайте, – с облегчением кивнул я.

Прямой разговор всегда казался мне лучше увёрток.

– Скоро открывается сезон, а база осталась без егеря. Мы просим тебя поработать здесь до конца осенней охоты. За это время Александр Сергеевич найдёт егеря. Как только сезон закроется – вернёшься обратно в Черёмуховку. Пока придётся взять на себя два обхода. Это сложно. Но мы тебе поможем. И оплата будет соответствующая.

Георгий Петрович повернулся ко мне.

– Даю тебе слово, что как только закроется сезон, ты сам выберешь – на каком участке работать. Но сейчас ситуация безвыходная. Выручишь?

Кастрюлю с готовой кашей я отнёс в озеро, чтобы остудилась. Собакам нельзя давать горячую пищу – ожог чувствительной слизистой может привести к потере обоняния.

Кобели, изнывая, носились взад и вперёд по вольеру. Увидев меня, они взлаивали, но не злобно, а просяще, поскуливая. Скорее, тявкали, чем лаяли. И в этом тявканье явно проступала обида на прошлого хозяина, который бросил их на произвол судьбы.

Георгий Петрович поступил мудро. Он задал вопрос и не стал требовать от меня немедленного ответа. Позволил заняться собаками, а сам вместе с Тимофеевым следил за погрузкой вещей Людмилы Сергеевны. Он предложил ей работу и жильё в одном из военных городков, которых было много на Карельском перешейке. Сказывалась близость с финской границей.

Когда каша остыла, я вошёл с кастрюлей в вольер. Кобели ужами крутились у моих ног, но не рычали и даже не лаяли. Только умоляюще поскуливали.

Я вывалил кашу в миски, предварительно расставив их по дальним углам. Людмила Сергеевна подсказала мне клички собак. Тот пёс, что постарше, с одним изломанным и упавшим ухом носил кличку Серко. Второго – молодого и неукротимого звали Бойким.

Собаки жадно чавкали кашей, норовя вытащить и разгрызть куски мяса. А я смотрел на них сквозь сетку вольера и понимал, что завтра тоже приду сюда. И послезавтра. И через два дня.

Можно было пойти на принцип. Даже забрать собак с собой в Черёмуховку. Но я понимал, что кто-то должен будет следить за лодками и выдавать их рыбакам. Кто-то должен будет наблюдать за солдатами, которых генерал прислал восстанавливать сгоревшие домики. Кому-то придётся быть здесь, чтобы выписать путёвки радостным охотникам на открытие сезона. И предупредить их о вреде чрезмерного употребления алкоголя. Тем более, когда под рукой оружие.

А ещё были гусята на озере, которым я должен был принести зерна, чтобы они окрепли, набрались сил и стали на крыло.

Не генерал поймал меня. Просто ситуация сложилась так, что отказаться было невозможно.

Пока я раздумывал, солдаты погрузили вещи в кузов. Насколько можно было судить, дом остался практически пустым. Мало что в нём напоминало о прежних хозяевах.

Счастливая Людмила Сергеевна уселась в кабину. Четверо солдат-срочников запрыгнули в кузов, и грузовик укатил.

Взвесив все обстоятельства, я подошёл к Георгию Петровичу.

– Я согласен остаться. Но у меня есть несколько условий.
– Давай, Андрей Иванович, – кивнул генерал.
– Первое – вы привозите мне нормальный корм для собак.
– Хорошо.
– Второе – вы подыскиваете им постоянных хозяев.
Георгий Петрович приподнял бровь.
– Андрей Иванович, ты – егерь. Не хочешь оставить хороших собак себе?
Я помотал головой.
– Нет. Неизвестно, как повернётся жизнь. А за животными нужен систематический уход. Их мало просто кормить – нужно выгуливать и натаскивать. Лайки – рабочие собаки. Грустно будет, если они превратятся в обычных дворовых псов.
– Согласен, – кивнул генерал.
– Третье условие – по окончании сезона, я сам решу, где буду работать. Как вы и сказали.
– Договорились. Ещё что-то?
– Да. В ближайшее время мне нужно съездить в Ленинград. Перевестись на заочное отделение и подыскать врача отцу.
– Что-то серьёзное? – спросил Георгий Петрович.
– У меня есть подозрения, – уклончиво ответил я.
Генерал несколько секунд испытующе глядел на меня.
– Хорошо. Будет тебе врач, самый лучший. Я договорюсь и позвоню тебе на неделе. И вот что. На двух обходах тебе будет тяжело. Я попробую помочь с транспортом. Ты вроде говорил, что умеешь водить машину?
– Умею, – кивнул я.
– Прекрасно! Значит, что-нибудь придумаем. Ну, что, по рукам, Андрей Иванович?
Георгий Петрович протянул мне ладонь.
– По рукам!
Мы обменялись рукопожатием.
– Слушай, Андрей Иванович! – неожиданно сказал генерал. – А ведь сегодня суббота.
– Да.
Я непонимающе уставился на генерала.
– В клубе у вас кино, – улыбнулся он. – И танцы. А ты здесь торчишь по моей милости. Вот что! Отменяется твоя сегодняшняя работа! Как старший по званию, приказываю: хорошенько отдохнуть перед рабочей неделей, а с понедельника приступить к подготовке базы к приёму охотников. Как понял?
– Вас понял, товарищ генерал-лейтенант! – улыбнулся я. – Разрешите выполнять?
– Разрешаю, – кивнул Георгий Петрович. – Сержант!
Белобрысый сержант подбежал к нам.
– На сегодня отбой! Дождётесь машину – и мигом в распоряжение части. Дальнейшие приказы получите у командира.
– Есть! – козырнул сержант.
– Александр Сергеич! Извольте грузиться в машину! Отвезём товарища Синицына домой. Пусть отдохнёт перед трудной работой!
– Неужели согласился? – обрадовался Тимофеев.
– Согласился, – ответил я, не скрывая улыбки.
– Вот спасибо, Андрей Иванович!
Тимофеев обрадованно пожал мне руку.
– Хорошие люди всегда договорятся! – наставительно сказал Георгий Петрович. – Рустам! Заводи! Едем в Черёмуховку!

Глава 4

Сегодня у Кати было очень важное дело.

Накануне Фёдор Игнатьевич ездил в Волхов. Между прочими заботами он по просьбе Кати заехал на улицу Ломоносова. Там он вошёл в чистый подъезд пятиэтажного дома, поднялся на третий этаж и позвонил в дверь, аккуратно обитую коричневым дерматином.

Когда дверь открылась, Фёдор Игнатьевич произнёс кодовые слова, которым научила его Катя. Через минуту председателю вручили большой, но лёгкий свёрток из плотной бумаги, крест-накрест перетянутый крепким шпагатом.

Спускаясь по лестнице, Фёдор Игнатьевич нёс свёрток на вытянутой руке, слегка отставив его от себя. Прежде, чем сесть в машину, он открыл правую дверь и торжественно положил свёрток на пассажирское сиденье.

Всю дорогу до Черёмуховки председатель поглядывал на свёрток, проверяя – не сползает ли тот с сиденья на ухабах тряской дороги. А когда добрался до деревни, то первым делом завернул к старухе Степановне, у которой Катя снимала комнату.

Катя встретила Фёдора Игнатьевича возле калитки. Видимо, она издали услышала звук мотора и заранее вышла на улицу. Увидев в руках председателя свёрток, Катя радостно охнула, заулыбалась и чмокнула Фёдора Игнатьевича в щёку.

Председатель смущённо крикнул и покраснел от удовольствия.

– Спасибо, Фёдор Игнатьевич! – звонким от волнения голосом сказала Катя.

– На здоровье, дочка! – ответил Фёдор Игнатьевич. – Как тебе живётся? Не тесно? Говорил я в совхозе насчёт отдельной квартиры, но пока возможности нет. Вот в будущем году запланирован новый дом – там и справишь новоселье.

– Всё хорошо, Фёдор Игнатьевич! – ответила Катя. – Мы с Варварой Степановной живём душа в душу.

– Может, из мебели что надо? Или другое какое? Говори, не стесняйся. Я сейчас в город часто мотаюсь из-за этого убийства, будь оно неладно! Позавчера опять с Андреем Ивановичем ездили. Не поверишь – два часа следователь мурыжил!

Услышав про убийство, Катя зябко повела плечами. А Фёдор Игнатьевич продолжал, как ни в чём ни бывало:

– И на вторник снова пригласил. Подробности, вишь, ему нужны. Говорит – со временем в памяти могут всплыть мелкие, но очень важные детали происшествия. А то, что людей от дела отрывает – это он в толк не берёт. Ну, закон, конечно, важнее! Но ведь и дела кто-то делать должен. Да! Так что, поедem во вторник в город. А может, и ты с нами? Пробежишься по магазинам, прикупишь себе чего-нибудь.

Говоря это, Фёдор Игнатьевич как бы невзначай поглядывал на Катю.

Катя еле заметно покраснела.

– Не знаю... у меня ведь работа. Надо пациентов предупредить. Я подумаю. Спасибо, Фёдор Игнатьевич!

– Подумай-подумай! – кивнул председатель. – Ну, я поеду. Дел не впрокорот, да и Мария Антоновна дожидается. Все глаза проглядела, наверное.

С этими словами Фёдор Игнатьевич уселся в машину и уехал. Он был очень доволен тем, что первая часть его хитрого плана удалась.

А Катя внесла свёрток в дом и положила его на кровать. Хотела сразу же развернуть, но сдержала себя. Кровать была слишком мягкой для задуманного, да и одинокая лампочка под потолком светила слишком тускло.

«Ничего и не разгляжу, пожалуй» – подумала Катя. – «Лучше уж завтра утром в медпункте. При утреннем свете».

В субботу Катя проснулась рано. Утреннее солнце ласково заглядывало в окно. На ветке яблони щебетала какая-то птица. Катя потянулась в постели и рывком отбросила одеяло.

Босиком, в одной длинной сорочке, прошлёпала к умывальнику и долго чистила зубы, жмурясь от холодной воды. Потом оделась и позавтракала творогом со сметаной.

О пользе белкового завтрака Катя вычитала в журнале «Фельдшер и акушерка», который получала ежемесячно и аккуратными стопками хранила в стеклянном шкафу в смотровой медпункта. Каждый номер Катя читала от обложки до обложки, а самые важные статьи перечитывала по многу раз, словно конспекты, и даже запоминала наизусть.

Как раз в шестом номере журнала за прошлый год и была статья за подписью доктора медицинских наук Добронравова, в которой автор утверждал, что завтраки кашами вредны и ведут к раннему ожирению. А вот белок, наоборот, чрезвычайно полезен с утра.

Катя не хотела столкнуться с ранним ожирением. Поэтому, прочитав статью, немедленно перешла с гречки и овсянки по утрам на творог и яйца.

Закончив завтрак, Катя сразу же сполоснула тарелку, чтобы не оставлять её на вечер. Сняла со шкафа заветный свёрток, прижала его к груди и выскочила на улицу.

Возле медпункта Катю уже дожидалась пациентка. Сорокалетняя женщина недавно перенесла воспаление лёгких. Из больницы её выписали, строго-настрого приказав продолжить курс витаминов внутримышечно, и теперь она каждое утро приходила в медпункт за очередным уколом.

– Доброе утро, Нина Фёдоровна! – поздоровалась Катя. – Как ваше самочувствие?

– Доброе утро, Катюша! – кашлянув, ответила женщина. – Хорошо. Только в горле першит. Будто застряло что-то.

Словно в подтверждение своих слов женщина кашлянула.

«Кашель сухой, мокроты нет» – автоматически отметила Катя.

– Идёмте, Нина Фёдоровна! – сказала она, отпирая дверь медпункта. – Сделаем укол и посмотрим горло.

– Долго мне ещё эти уколы делать? – спросила Нина Фёдоровна. – Больные они! Я потом полдня сесть не могу.

– Ещё... ещё четыре дня, – сверившись с карточкой, ответила Катя. – Потом надо будет съездить в город, показаться доктору. Покажите горло!

«Больной» укол Катя рассудительно оставила напоследок. Усадив пациентку лицом к окну, она деревянной палочкой прижала ей язык. Верхнее небо было красным, воспалённым. Внимательно приглядевшись, Катя увидела тонкую косточку, которая воткнулась в мягкие ткани горла.

– У вас в горле рыба косточка застряла, Нина Фёдоровна! – сообщила Катя пациентке. – Не закрывайте рот!

Она быстро отыскала среди инструментов тонкий длинный пинцет. Подцепила косточку и извлекла её из горла.

Женщина закашлялась.

– Спасибо, Катюша! Вот ведь гадость! Сколько раз зарекалась эту рыбу есть – а не могу удержаться! Опять мой Сёмка вчера на рыбалку бегал. Ну, я и наварила ухи на обед. И ведь как не почувствовала кость-то?

– Ложитесь на кушетку, – улыбнулась Катя, откладывая пинцет в сторону.

Ловко сделала укол.

– Ох! – поморщилась женщина.

– Ну, ничего, ничего, – словно маленькой, сказала ей Катя. – Надо потерпеть.

Эту успокаивающую фразу и интонацию она подцепила на практике у одного из пожилых врачей.

Через десять минут Катя осталась одна. Тут-то и наступил волнующий момент.

Она постелила на кушетку чистую простыню. Затем положила свёрток. Пошире раздёрнула белые занавески на окнах. Потянула за хвостик шпагата, развязывая узел, и развернула шуршащую бумагу.

В свёртке лежало платье. Сшитое из небесно-голубого крепдешина, пояском на талии и с плиссированной юбкой.

Катя развернула платье. Расправила отложной воротничок с белой каймой. Разгладила складки подола. И замерла, благоговейно разглядывая обновку. Затем опомнилась. Достала из шкафа припрятанный там утюг, включила его в розетку и выставила нужную температуру.

Утюг щёлкнул. Пока он нагревался, Катя снова смотрела на платье. В голове её проносились разные комбинации из туфелек, босоножек, причёсок, которые подошли бы к этому платью.

«Пожалуй, лучше всего будет высокий хвост и белые туфельки» – решила Катя. – «Хотя нет! Босоножки подойдут больше. Они делают ступню изящной».

Как большинство девушек, Катя была не очень довольна своей внешностью. В частности, ей казалось, что руки и ноги у неё слишком большие. Именно поэтому у платья был широкий рукав до середины плеча.

Утюг снова щёлкнул. Катя послунявила палец и попробовала температуру. А затем принялась тщательно разглаживать все складки. Вот для чего была нужна жёсткая кушетка! На мягкой кровати этот номер не удался бы!

Ещё через двадцать минут платье было идеально выглажено. Наступил самый ответственный момент.

Отставив утюг в сторону, Катя задёрнула занавески и расстегнула белый халатик, оставшись в одном белье.

Тёплая, нагретая утюгом ткань скользнула по коже и легла по фигуре. Катя закрыла глаза и замерла, прислушиваясь к ощущениям. Затем закружилась, ловя своё отражение в стеклянных дверцах шкафа.

Платье сидело безукоризненно. Подчёркивая талию и прикрывая плечи, оно делало фигуру лёгкой, воздушной. Складчатая юбка чуть ниже колена визуальнo стройнила верх.

Какая прелесть!

Вот если бы Андрей увидел её в этом платье! И ведь увидит, если только придёт вечером в клуб. А придёт ли?

Катя подняла глаза к потолку и загадала, чтобы Андрей непременно пришёл. Тогда её праздник будет полным!

Вдоволь насмотревшись, Катя сняла платье и повесила его на специально припасённые плечики. Потянувшись за халатиком, и тут в голову прокралась ещё одна шальная мысль.

А если бы Андрей увидел её так?

От этой мысли девушку бросило в жар. На щеках проступил румянец, по плечам побежали мурашки. Она представила, как его руки касаются её кожи, губы скользят по шее, пальцы нетерпеливо возятся с застёжкой...

Вот чёрт!

Покраснев, Катя быстро застегнула халатик. Раздвинула занавески и распахнула окно. В медицинском учреждении полагается часто проветривать, а здесь было невыносимо душно!

Прохладный утренний воздух коснулся кожи, остужая воображение. До начала киносеанса в клубе оставалось ещё четыре часа – целая вечность!

Так уж везло жителям Черёмуховки, что в субботние вечера погода почти всегда была хорошей. Редкий случай, чтобы поднялся ветер, или полил дождь и испортил людям отдых.

Фёдор Игнатьевич как-то рассказал мне об удивительном случае, который произошёл года три или четыре тому назад.

Лето в тот год выдалось на редкость дождливое. Дождь поливал едва ли не каждый день. Вымочило все зерновые, картошка гнила прямо в земле. Скошенная с огромным трудом трава прела на лугах, не успевая просохнуть.

– Отчаянный год был, – задумчиво сказал председатель, раскуривая папиросу. – Не знали, как прожить. И ведь что ты думаешь? Как суббота – так с утра дождь всё мельче и мельче. К обеду глядишь – перестал. Народ на сеанс сходит, вечером танцы. В воскресенье с утра погода ясная, солнышко светит. К обеду всё тучами затянет, а вечером – на тебе! – снова дождь.

– Как же вы работали? – поинтересовался я.

– Тогдашний директор совхоза, не будь дурак, собрал общее собрание и объявил: раз погода налаживается только в выходные – значит, по выходным и будем работать. А на буднях отдыхать. Народ пошумел, но согласился – урожай-то надо спасти. Только не тут-то было!

Фёдор Игнатьевич глубоко затаился, выдохнул целое облако ароматного дыма и хитро посмотрел на меня.

– Выехали субботним утром в поле – а дождь всё сильнее и сильнее. После обеда ветер налетел, ливень стеной, гром громыхает. Ну, какая тут работа? Свернули лавочку. В воскресенье только выехали – та же история. Так и не вышло по выходным работать. Не обманули природу.

– А как же год пережили?

– Да уж так – на старых запасах. Это земля, Андрей Иванович – здесь год на год не приходится. Но с тех самых пор у нас по выходным всегда погода хорошая. А отдохнувшему человеку и работается легче.

В эту субботу погода не подкачала. По голубому небу лениво плыли редкие облака. Казалось, они появились только для того, чтобы изредка закрывать собой солнце и давать всему живому короткую передышку от дневной жары.

В Песенке у моста самозабвенно плескались мальчишки. Они где-то отыскивали старую тракторную камеру, заклеили её и накачали. На огромном резиновом круге висели сразу пятеро пацанов, весело бултыхая ногами и гомоня о чём-то захватывающем и непонятном постороннему уху.

Воротник рубашки с непривычки натирал шею. Хорошо хоть пиджак я не надел – сейчас бы сварился в нём заживо! Я остановился на мосту и расстегнул верхнюю пуговицу. Дышать сразу стало легче.

– А они на корабле, сквозь льды! – горячо рассказывал один из мальчишек. – Паруса обледенели, снег валит! И ещё предатель среди них был. А потом раз! – и приплыли к земле! А там тепло и дикие индейцы.

– Почему тепло, если земля среди льдов? – недоверчиво спросил второй. – Врёшь ты всё!

– Сам ты врешь! – закричал первый. – Я этот фильм в городе видел, мы с папкой ездили! Там огромный вулкан, и от него идёт подземное тепло! Валим в клуб – сам всё увидишь!

– А деньги на билет где взять? – протянул второй. – Баба Валя так просто не пустит.

Бабой Валею звали пожилую уборщицу, которая по субботам исполняла обязанности билетёра.

– Её Витька отвлечёт, а мы проскочим! Витька, поможешь?

Рассказ пацанов вызвал в памяти что-то знакомое. Подойдя к клубу, я рассмотрел афишу и обрадовался. «Земля Санникова», ну конечно же! Замечательный фильм с прекрасной музыкой Зацепина. «Призрачно всё в этом мире бушующем, есть только миг – за него и держись...»

Сеанс должен был начаться только через полчаса, но народ уже собирался. За деревянным столом снова стучали костяшками домино. Возле дверей клуба я увидел Лиду под руку с мужем.

После рассказа Фёдора Игнатьевича о том, что муж Лиды ездил на Север за длинным рублём, я представлял себе плечистого полярника с бородой и обветренным суровым лицом. Но муж Лиды оказался высоким худым мужчиной, чуть за тридцать, похожим на шагающий школьный циркуль. Он был выше Лиды на полторы головы, но узок в плечах. Длинные руки слишком торчали из рукавов пиджака.

На меня он взглянул мельком – равнодушно мазнул взглядом и отвернулся. Значит, ничего не знает. Ну, и хорошо.

Лида, увидев меня, чуть поджала губы и еле заметно покачала головой. Я понял её знак и не стал подходить и здороваться. Огляделся в поисках Павла – куда веселее смотреть кино в хорошей компании.

И вдруг заметил Катю.

Ох, как она была хороша! В новом светло-голубом платье с широкими рукавами и складчатой юбкой. Платье подчёркивало стройную талию девушки, белые босоножки охватывали ремешками изящные лодыжки. Волосы, собранные в высокий хвост, открывали шею и гордую посадку головы.

Катя смотрела прямо на меня. Это длилось не больше секунды, но...

Есть, есть такие секунды, которые способны бесповоротно повернуть судьбу. Каждый человек чувствует их, но не каждый решится в этот миг сделать необходимый шаг. Задумается, взвешивая «за» и «против», а когда решит попробовать – окажется, что время уже упущено. Теперь тяжкими усилиями навёрстывай потерянное, или жди нового счастливого мгновения.

Я решился. Увидев взгляд девушки, я шагнул к ней прежде, чем она успела отвернуться.

– Здравствуйте, Катя! Рад вас видеть! Вам очень идёт это платье.

– Правда?

Лёгкая хрипотца в голосе выдавала волнение девушки. Она смущённо откашлялась.

– Ой! Здравствуйте, Андрей!

– Здравствуйте!

Я улыбнулся, и мы рассмеялись. Смех сразу снял всю неловкость, по-дружески сблизил нас и позволил говорить без стеснения.

– Как дела на медицинском поприще? – спросил я. – Всех черёмуховцев вылечили? Фёдор Игнатьевич не нарадуется, что деревне достался такой доктор, как вы.

Катя гордо улыбнулась. Рассудительность сочеталась в ней с некоторой наивностью, и это делало девушку ещё симпатичнее.

– А как ваши звери? – спросила она меня.

– Растут и набираются сил, – ответил я. – Сегодня на Еловом озере обнаружил целый выводок серых гусей. Точнее, они ещё гусята, но скоро станут взрослыми птицами.

– Как здорово! А я никогда не была на Еловом озере. Оно красивое?

– Очень! Представьте – тёмная вода, поросшие дремучим лесом берега и посредине – сказочный остров, на который редко ступает нога человека.

– Хотела бы я на него посмотреть!

– Пожалуйста! Меня как раз временно переводят работать на участок возле озера. С удовольствием устрою вам экскурсию.

– Вы уезжаете из Черёмуховки? – нахмурилась Катя.

– Только на два месяца, пока не найдут другого егеря. Потом вернусь, и снова буду работать здесь.

– А как же ваша учёба?

– Я решил перевестись на заочное отделение. Буду работать, а по вечерам учиться.

– Это прекрасно, – одобрительно кивнула Катя. – Вы как будто созданы для этой работы. Лицо девушки стало грустным. Она словно хотела что-то сказать, но промолчала.

Народ потянулся к дверям клуба. Наступало время сеанса.

Мы с Катей тоже прошли в зал и сели рядом. Лиду с мужем я не видел – наверное, они сидели позади нас.

Погас свет, и начался фильм.

Когда зазвучала знаменитая песня в исполнении Олега Анофриева, Катя как будто случайно взяла меня за руку. И не отпускала до самых финальных титров.

Так же вместе мы вышли из зала на свежий воздух. На поляне за клубом готовили аппаратуру для танцев.

– Скажите, Андрей, – спросила Катя, – вы очень любите танцевать?

– Не очень, – честно признался я. – Но сегодня я хочу танцевать с вами. Разрешите вас пригласить, Катя?

Мгновение девушка серьёзно смотрела на меня, а потом улыбнулась.

– Да. Я тоже хочу сегодня танцевать. Идёмте!

Катя положила руку мне на плечо. Я обнял её за тонкую талию. Музыка легко подхватила нас и понесла в неведомые дали. Прошлое уходило, таяло, словно весенний снег. А будущее напоминало тёмную озёрную воду, в которую надо напряжённо вглядываться, что увидеть то, что находится на глубине.

Я почти не видел других танцующих. Один раз, мельком, заметил Лиду. Она танцевала с мужем, положив голову ему на грудь, а он по-птичьи, сверху смотрел на неё.

Время летело, таяло вместе со звуками. Незаметно сгустились сумерки, наступил тёплый летний вечер. Пары потихоньку разбредались по домам.

– Пойдёмте на мост, – предложила Катя. – Я люблю стоять там и смотреть на воду. Ни о чём не думать, просто смотреть, как она течёт.

Мы стояли на мосту, наклонившись через перила, и смотрели на воду. Тёплое бедро девушки прижималось к моему бедру. А я рассказывал Кате о медитациях, которым научил меня Алексей Дмитриевич Воронцов.

– И они правда помогают вспомнить то, что совсем забыл? – спросила Катя.

– Иногда помогают, – ответил я.

В тёмной вышине всё ярче проступали звёзды. Метеоры бесшумно чертили небо огненными линиями, словно предлагали загадать желание, да не одно!

Катя зябко поёжилась.

– Мне пора домой. Вы проводите меня?

Возле калитки мы задержались. Я осторожно взял Катю за руку. Девушка вздохнула и прикрыла глаза, а я потянулся к её губам. Поцелуй вышел осторожным, но в нём было столько нежности, что у меня защемило сердце. Я погладил волосы Кати и ощутил её дыхание на своей щеке.

– Спасибо за чудесный вечер, – прошептала Катя.

И мы снова поцеловались.

Где-то далеко брэнчала гитара. Слышались поющие голоса и взрывы весёлого смеха.

– Андрей, я не сказала тебе, – прошептала Катя. – Осенью я уезжаю в Ленинград. На врача заочно выучиться нельзя.

Вот чёрт! А я и не подумал об этом!

Глава 5

– Ух, красотища! – восхищенно сказал Васёк, сбрасывая с плеч тяжёлый мешок с резиновой лодкой.

Он стащил с головы кепку и вытер её подкладкой вспотевшее улыбочивое лицо. Оглядел озеро и ещё раз довольно выдохнул:

– Красота! Знаешь ты заветные места, Михалыч!

Высокий широкоплечий блондин, он и в двадцать шесть лет всё оставался Васьком. Причиной тому были его легкомысленный характер и вечно улыбающееся лицо. Васёк любил выпить и погулять, обожал женщин и рыбалку. Женщины относились к нему с материнской нежностью.

Михалыч тоже скинул рюкзак и уселся прямо на траву. Дорога до озера была неблизкой. Сначала доехали на «Икарусе» из Ленинграда до Дусьева. В Дусьево около часа ждали местный автобус. Чтобы не терять времени, прямо на остановке откупорили пятилитровую канистру портвейна, которую везли с собой. Портвейн был перелит из бутылок в канистру, чтобы не тащить в рюкзаках тяжёлое стекло.

Приняли по стакану под плавленый сырок, покурили. Когда в голове приятно зашумело, накинули ещё по полстакана, и Михалыч хозяйственно убрал канистру в рюкзак.

– Хватит! Остальное на вечер. Нам ещё рыбачить.

Васёк не стал спорить с Михалычем. Сидя на деревянной лавке остановки, он весело насвистывал какую-то песенку.

Подошёл пустой автобус. Они запихнули лодку на заднюю площадку и влезли сами. Михалыч на правах старшего сразу плюхнулся на сиденье, а Васёк, нашарив в кармане мелочь, оплатил проезд до Светлого. Автобус неторопливо тронулся.

В Светлом они были через полчаса, точно по расписанию. Остаток пути предстояло проделывать пешком. Ну, да мужикам не привыкать! Почти шесть километров до заветного места они отмахали за полтора часа, только дважды останавливаясь, чтобы перекурить. Не заходя на базу, чтобы не мелькать на глазах у егеря, прошли дальше по дороге и свернули через сосновый лес к озеру. Еле заметная тропинка привела рыбаков к нужной поляне. Посреди высокой травы виднелись следы прошлогоднего кострища. Михалыч огляделся и уверенно сказал:

– Здесь!

Перекурив, Васёк быстро распаковал лодку. Под руководством Михалыча вкрутил на место клапаны и вставил деревянные скамейки в специальные резиновые гнёзда. Присоединил к клапану шланг насоса-«лягушки». Сапогом сорок шестого размера он давил на насос. Воздух с резким кряканьем наполнял баллоны.

– Смотри, не перекачай, – сказал Ваську Михалыч и пошёл за дровами. Когда он вернулся, таща за собой по траве сухую лесину, лодка уже была накачана. Михалыч пощупал тугие, успевшие нагреться на солнце борта, недовольно покрутил головой и чуть сбросил давление в баллонах.

– Лопнут ведь, Васёк! Будем с тобой в озере бултыхаться!

– Ничего, – улыбнулся Васёк. – Я плавать умею.

Канистру с портвейном Михалыч спрятал под деревом и прикрыл пучками сорванной травы. Затем, непроизвольно оглянувшись по сторонам, достал из своего рюкзака мешок с сетью.

Эту сеть один умелец связал Михалычу по знакомству. Тонкая капроновая нить крепилась сотнями несколькозвучащих узлов. В верхний шнур были искусно вплетены продолговатые поплавки из пенопласта.

С сетью получился целый детектив. Мастер ни в какую не хотел принимать заказ от незнакомца. И передавать Михалычу сеть на своей квартире отказался категорически. После долгих разговоров передачу осуществили в парке. Михалыч десять минут просидел на скамейке, делая вид, что отдыхает и любит природой. Затем к нему подсел человек и спросил закурить.

– У меня только «Прима», – ответил Михалыч.

– Люблю сигареты без фильтра – от них вреда меньше, – отозвался человек.

После обмена кодовыми фразами он ногой придвинул к Михалычу мешок, в котором лежала сеть.

Михалыч подхватил мешок и поднялся со скамейки, забыв на ней газету. Между листами газеты лежали двадцать пять рублей.

Знакомый, который свёл Михалыча с мастером, долго объяснял, как пользоваться сетью. Под его руководством Михалыч изготовил грузила из проволоочных колец и научился перебирать сеть, чтобы в воде она ставилась ровно и не путалась комком.

– Старайся не цеплять коряги, – предупредил знакомый. – Сеть хоть и прочная, но может порваться. Ремонт – пятёрка!

Рыбачил Михалыч давно, даже лодку прикупил для любимого занятия. Вот только ловил, в основном, на донку или поплавков. А тут сеть! Двадцать метров! Это уже не баловство, это серьёзная снасть!

Встал вопрос с выбором места ловли. В Неву сеть не закинешь – рыбнадзор мигом возьмёт за жабры. В дачном пруду ловить карасей – мало интереса. Да и соседи заметят, стуканут, куда следует.

И тут Михалыч сразу подумал про Еловое озеро. Раз или два в год он ездил сюда подремать над донками, послушать птичье пение, да попить у костра ароматного чая с дымком. Рыбалка здесь никогда не была особенно удачной – попадались небольшие окуни, да тёмная озерная плотва. Но в таких вылазках Михалыч отдыхал душой.

В одиночку сеть не поставишь, нужен надёжный человек на вёсла. Подумав, Михалыч решил взять с собой Васёк. Они вместе работали электриками в родном НИИЛРМТ. При всей своей наивности Васёк не был болтлив. Кроме того, легко мог унести тяжёлую двухместную лодку Михалыча.

Ещё раз оглянувшись, Михалыч положил сеть в корму лодки и прикрыл её расправленным мешком.

– Ну, поехали, Васёк! Садись на вёсла!

Дело ладилось. Васёк неторопливо грёб, держа курс на торчащий из воды остров. Михалыч распускал сеть. Тонкое полотно скользило по нагретому солнцем баллону и под тяжестью грузил уходило в тёмную глубину озера.

Глубина в этом месте оказалась небольшой. Двухметровая сеть не хотела тонуть полностью, её верхний край загибался у поверхности воды.

Михалыч запоздало вспомнил, что знакомый советовал сначала измерить глубину в месте лова, а потом ставить сеть. Но теперь было ничего не поделать. Если вытащить сеть из воды – придётся её сушить и снова перебирать, а это долгая песня. Да и перед Васёком неудобно. Парень-то думает, что Михалыч – опытный рыбак.

Ничего! Катера здесь не ходят, на винт сеть не наматает. С берега её не видно. Пусть стоит – авось и попадётся рыба. Да и самим будет проще найти, если что.

Когда вся сеть оказалась за бортом, Михалыч привязал к её верхнему углу длинную верёвку, а к верёвке – кусок пенопласта величиной с буханку хлеба. Бросил его за борт.

Пенопласт весело закачался на тёмной воде.

– Давай к берегу, Васёк! Жрать охота!

Васёк лихо развернул лодку и погрёб к месту стоянки.

Там рыбаки живо развели костёр. Повесили над огнём котелок с гречкой, приготовили банку тушёнки.

Глядя, как Михалыч разматывает донки, Васёк спросил:

– На чёрта они? Сетью рыбы возьмём! А с этими донками только одна морока – ни пожарить, ни выпить нормально.

– Маскировка, – строго ответил Михалыч. – Вот, не дай бог, подойдут инспектора, начнут вопросы задавать – кто, да откуда. Что на озере делаете? Рыбачите? А где снасти? А снасти – вот они.

– Ты хоть червей на крючки не насаживай, – предложил Васёк. – Давай выпьем спокойно.

И то правда, подумал Михалыч. Закинуть пустые донки, и пусть себе стоят.

Но рыбацкая страсть победила. Михалыч насадил червей на крючки, поплевал на них и забросил донки. Грузила громко шлёпались в двадцати метрах от берега.

Вешать колокольчики Михалыч всё же не стал. К чёрту! Рыба здесь жадная, непуганая – возьмёт взаглот, не сорвётся. А бегать от костра на каждый звяк охоты мало.

Тем временем Васёк отодвинул от огня котелок с гречневой кашей и алюминиевой ложкой вывалил туда тушёнку.

– Давай сюда канистру, Михалыч! – весело прокричал он. – Я сейчас язык от голода проглочу!

Михалыч торопливо забросил последнюю донку и с канистрой в руках подошёл к огню.

Греча пахла изумительно! А Васёк уже нарезал на расстеленной газете тонкие ломтики сала с розовыми прожилками и толстые куски чёрного хлеба.

Михалыч проглотил мгновенно набежавшую слюну.

Чтобы не лежать на сырой траве, он кинул под бок брезентовый плащ, взятый на случай дождя. Открутил с канистры чёрную пробку и разлил по стаканам янтарную жидкость.

– Ну, за удачу!

Васёк мигом проглотил портвейн и стал, обжигаясь, таскать ложкой в рот горячую кашу прямо из котелка.

– М-м-м. вкуснотища! – мычал он. – Давно так не жрал! Наливай ещё, Михалыч!

Михалыч неторопливо выцедил свой стакан. Вино прохладной струйкой пролилось по пищеводу, мягко ударило в голову. Хорошо, что не взяли водки! С неё мигом бы одурели. А вино пьётся легко, и коротать за ним летний вечер – одно удовольствие.

На второй круг Михалыч налил по половине стакана. Хоть канистра и пятилитровая, а надо экономить. Иначе и сеть вытащить не успеешь, как уснёшь тут же на траве.

А ведь гречка – это всего лишь разминка! Настоящее пиршество начнётся ночью, когда они с Васёком вытащат сеть и наварят уху из свежей рыбы. Специально для этого Михалыч припас в рюкзаке пару картошин и крепкую круглобокую луковицу.

Вино незаметно кружило голову. Солнце опускалось за лес на другом берегу озера. От воды тянуло приятной прохладой, уютно потрескивал костёр, и гречка с тушёнкой была такой вкусной...

Рано утром в понедельник я был на базе Жмыхина. Первым делом накормил собак. Чтобы не терять времени на возню с плитой, еды им наварил заранее, дома. Шесть литров варева – невелика поклажа!

Ещё прихватил с собой два топора поострее, ножовку, разводку для зубьев и трёхгранный напильник.

Увидев меня, собаки запрыгали от радости, залились лаем. Я открыл вольер, коленями заталкивая внутрь повизгивающие шерстяные комки.

– Ну-ну! Успокойтесь! Сейчас есть будем!

Разложил по мискам успевшую загустеть кашу на куриных лапах и головах.

Этот ценный продукт достался мне по случаю. В субботу в Черёмуховке была свадьба. Стол, как водится, накрывали всей улицей. Вот Фёдор Игнатьевич и выпросил для меня остатки куриных тушек, с праздничного стола.

Но свадьбы не каждый день бывают, а собак кормить надо. Хотя ворон им стреляй на пропитание. Так ведь вредно давать псам острые птичьи кости.

Я уже позвонил отцу, попросил его достать в городе рыбьего жира. Буду по несколько ложек подливать его в кашу – всё же витамины.

Пока псы отъедались, я сходил в дом Жмыхина. Ключ от замка Людмила Сергеевна, уезжая оставила Тимофееву, а тот передал мне.

В коридоре я нашёл висевший на стене поводок и крепкий ошейник. Вернулся к вольеру, надел ошейник на Серко и защёлкнул карабин поводка.

– Ну, что? Пойдём купаться?

Серко от радости прыгнул лапами мне на грудь, чуть не уронив меня на землю.

– Тихо-тихо!

Я вывел пса из вольера. Бойкий ревниво следил за нами и вдруг залился обиженным высоким лаем. Я поневоле рассмеялся.

– Дойдёт и до тебя очередь! Старички идут первыми.

Серко настойчиво дёргал поводок, тянул его в разные стороны. Поднимал умную морду и принюхивался к запахам. Обнюхал каждую кочку, каждый пучок травы, которые попались нам на пути. Я чувствовал его нетерпение, желание сорваться с поводка и бежать, куда глядят глаза.

– Рано, старик, рано! Не привык ты ещё ко мне. Не захочешь возвращаться, и пропадёшь в лесу.

В воду Серко пошёл сразу. Долго плавал из стороны в сторону, насколько позволял поводок. На волнах колыхались клочья серой шерсти. Наконец, пёс выбрался на берег, отряхнулся так, что брызги разлетелись в разные стороны, и умоляющим взглядом посмотрел на меня.

– Что, не хочешь обратно в клетку? Ну, извини! Придётся потерпеть.

Я вернул Серко в вольер, а Бойкого повёл купаться. Время уже поджимало. Вот-вот должен был приехать грузовик с солдатами.

Весь вчерашний день мы провели с Катей. Получилось это само собой. Уже прощаясь у калитки, я неожиданно для себя предложил:

– Давай завтра съездим в Волхов? Воскресенье же! Погуляем, ходим в парк.

– Давай! – загорелась Катя.

Но тут же потупилась.

– Ой, я не могу. Я должна Нине Фёдоровне укол сделать.

Это была проблема. Автобус уходил в половине седьмого утра, и потом до Киселёво можно было добраться только на попутках. Но я махнул рукой.

– Во сколько к тебе приходит Нина Фёдоровна?

– В девять утра, – ответила Катя. – Раньше она не может – сына с невесткой на работу собирает.

– Раньше и не надо, – улыбнулся я. – Сделаешь укол, и жди меня. Я что-нибудь придумаю.

– Хорошо, – серьёзно кивнула Катя.

Её готовность поверить тронула меня до глубины души.

Проводив Катю, я сразу же отправился к Фёдору Игнатьевичу. По счастью, председатель ещё не спал – смотрел телевизор.

– Вот ведь зараза прилипчивая! – пожаловался он мне, выходя на крыльцо с сигаретой. – Смотришь и смотришь, смотришь и смотришь! И не оторваться! А всё Машка моя. Пристала, как репей – купи ей телевизор. Сама не смотрит, а я отдуваюсь!

Выпалив это, председатель заметно успокоился, закурил и спросил:

– Ты чего хотел-то, Андрей Иванович? Опять браконьеры шалят?

– Нет, Фёдор Игнатьевич, – улыбнулся я. – Вы не могли бы завтра в девять утра отвезти нас с Катей в Киселёво? Мы хотим в Волхов съездить, погулять. А на автобусе не успеваем – у Кати работа.

– В Волхов? С Катей? – загорелся Фёдор Игнатьевич. – Отвезу, конечно! Мне как раз в Киселёво надо за... в общем, по делу. В девять утра, говоришь? У медпункта? Вот отлично! Там и встретимся.

Он затушил папиросу и тут же достал из пачки вторую.

– А что, Андрей Иванович, с Катей у вас серьёзно, или так просто? – спросил он.

– Не знаю, Фёдор Игнатьевич, – честно ответил я. – Ещё не успел понять.

– Ты, Андрей Иванович, мужик взрослый, – задумчиво сказал председатель. – Да и времена сейчас другие. Но прошу тебя – без баловства. По-дружески прошу, не как председатель. Обидишь девчонку – она хвостом махнёт и улетит. А деревня без врача останется.

– Не обижу, Фёдор Игнатьевич, – твёрдо пообещал я. – Сложится, или нет – не знаю, но не обижу.

– Ну, и хорошо, – успокоился председатель. – Значит, завтра у медпункта. Ты не проспай, Андрей Иванович! Ночь-то какая!

В девять утра мы выехали из Черёмуховки и через полчаса были в Киселёво. Фёдор Игнатьевич высадил нас прямо на остановке и умчался назад, напрочь забыв о своих «неотложных делах».

– Вечером-то сами доберётесь? – только спросил он.

– Доберёмся, – кивнули мы с Катей.

– Ну, я встречу автобус, на всякий случай. Если опоздаете – ждите меня здесь, приеду.

– Спасибо, Фёдор Игнатьевич! – поблагодарили мы.

Катя снова надела вчерашнее платье, а поверх него накинула лёгкий жакет.

– Я так давно никуда не выбиралась, – улыбнулась она. – Последний раз ещё в Ленинграде, во время учёбы. Мы с подружками ходили гулять в Михайловский сад.

Пока автобус неторопливо катился в сторону Волхова, Катя рассказывала мне о своей учёбе.

– У нас такие хорошие ребята были, – улыбалась она. – Дружные. Всюду вместе – и на лекции, и на развлечения. Мы даже в театр всей группой ходили! И в оперу. Онегин, я скрывать не стану – безумно я люблю Татьяну!

Катя пропела это, так старательно подражая басу Грёмина, что я не выдержал и расхохотался.

Мы гуляли по песчаным дорожкам в тени огромных отцветающих лип Ильинского сада. Эти липы росли здесь ещё до революции – они окружали усадьбу местного помещика Ильина. От самой усадьбы ничего не осталось. Уцелела только круглая беседка с колоннами, выкрашенными под мрамор.

Купив по мороженому у полной улыбчивой продавщицы, мы прокатились в открытой кабинке колеса обозрения. Внизу играла весёлая музыка, и гуляли люди, а на высоте разгулялся тёплый летний ветер. Кабинку со скрипом покачивало, и Катя испуганно прижималась ко мне. При помощи большого железного колеса я крутил кабинку, показывая Кате то плотину Волховской ГЭС, то высоченные трубы Волховского алюминиевого завода, то новый автомобильный мост.

Когда мы спустились вниз, Катя загорелась идеей прокатиться на карусели с загадочным названием «Сюрприз». На этой карусели катались стоя, крепко держась за поручни и пристегнув страховочную цепь.

– Только ты встань напротив меня, – попросила Катя. – Тогда мне будет не так страшно.

Карусель начала вращаться – сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее. Вот она разогналась, словно центрифуга – я даже почувствовал перегрузку – и вдруг накренилась, продолжая вращаться! Теперь мы с бешеной скоростью то взлетали вверх, то падали вниз. Я видел восторженное лицо Кати. Подол её платья развевался на ветру, волосы летели, сверкая на солнце, словно золотая волна!

– Твои родители живут здесь? – спросила Катя, когда мы, отдыхая от головокружительного «Сюрприза», сидели на скамейке.

– Да, – ответил я. – Хочешь, зайдём к ним в гости.

– Нет, – улыбнулась Катя. – Пока нет. Пойдём ещё на чём-нибудь прокатимся!

Выкрашенный в защитный цвет «ЗИЛ» подъехал вовремя. Солдаты попрыгали из кузова, радуясь неожиданной свободе. Они привезли с собой лопаты и даже пару ломов.

Белобрысый сержант выскочил из кабины.

– Взвод, вольно! Десять минут перекур!

Бойцы живо рассыпались по поляне, а сержант подошёл ко мне и протянул руку.

– Володя, – окая, сказал он.

– Андрей.

– Ну, показывай фронт работ.

– Так это не близко. Километра три отсюда.

– Ничего, – улыбнулся Володя. – Нам маршировать не привыкать! Погоди, я машину отправлю.

Он сказал несколько слов водителю. Тот кивнул, развернулся, стреляя синим вонючим дымом, и покатил в сторону Светлого.

– В восемнадцать ноль-ноль он должен нас забрать, – сообщил мне Володя, морща вздёрнутый нос.

Затем полез в карман гимнастёрки и достал пачку «Примы». Протянул мне.

– Закуривай!

Я покачал головой.

– Не курю.

Володя чиркнул спичкой.

– И что, ты каждое утро будешь приходить сюда из Черёмуховки? – спросил он. – Сколько тут?

– Двенадцать километров, – ответил я.

– Ничего себе! Да вечером столько же обратно. Так скоро ног не потянешь.

– А что делать? Здесь собаки, их кормить надо.

– Так перебирайся сюда, – разумно предложил Володя. – Вот же дом есть.

– Скоро переберусь, – вздохнул я. – А пока не могу.

– Девушка, да? – понимающе спросил сержант.

И решительно затушил сигарету.

– Ладно! Выручим тебя. Организуй сюда крупу, и что там ещё надо. А собак я возьму на себя. Будут накормлены, напоены и в чистоте. Раз в три дня выбирайся – мало ли, с материалами какая заковыка выйдет.

– Спасибо! – обрадовался я.

– А что нам? – улыбнулся Володя. – Служба – она и есть служба. Ты давай, показывай – где стройка-то?

Идя друг за другом, мы шагали по тропинке, которая вилась вдоль берега озера. Солдаты смеялись и перешучивались. Вдруг за их весёлыми голосами я различил тревожный птичий крик.

Ещё несколько шагов, и мы вышли на поляну. Посередине вяло дымился прогоревший костёр. Возле костра сладко спал светловолосый детина, лет двадцати пяти в одной клетчатой рубашке. Лицо его было перемазано сажей.

Рядом, завернувшись в брезентовый плащ, похрапывал лысоватый мужчина средних лет. Возле него валялась пустая канистра. Я поднял её, понюхал и брезгливо поморщился. Что за дрянь они пили?

На берегу лежала резиновая лодка. Несколько донок с провисшими лесками скучали возле воды. На одной снасти леска лениво подёргивалась.

А в озере, напротив поляны, колотя крыльями по воде, надсадно кричал и бился молодой серый гусь.

Глава 6

Сначала я не понял, что случилось с птицей. На секунду подумал, что гусёнка за лапы схватила щука. Такое случается, хоть и редко. Рыба принимает мелькающие птичьи лапы за снующих у поверхности рыбёшек, и хватает их.

Но затем я разглядел мечущийся по воде кусок пенопласта, и до меня дошло.

Вот же пьяные твари! Полбеда, что они решили нарушить закон и поставили сеть. Много рыбы они здесь не выловили бы, да и рыба в озере сорная. Тут дело только в том, что если разрешить сети всем желающим, то скоро вообще никакой рыбы не останется – вычерпают всё, вплоть до мальков.

Но оставить сеть на ночь, чтобы в ней запуталась птица, и спокойно дрыхнуть – это уже за гранью! Браконьер должен каждую минуту помнить, что он нарушает закон, и каждую минуту бояться разоблачения. Если браконьер потерял страх и, расставив сети, спокойно спит – значит, что то неладно у нас с людьми.

Сколько таких сетей унесено ветром? Сколько их плавает хотя бы в том же Финском заливе или Ладожском озере? Все они наполнены протухшей, разлагающейся рыбой, которая пропала без всякой пользы. Часто в этих сетях путаются и гибнут водоплавающие птицы, а иногда – и беззаботные купальщики.

– Ребята, присмотрите за этими, – бросил я солдатам и шагнул к лодке.

– Разбудить? – спросил Володя.

Я мотнул головой.

– Пока не надо. Меньше возни. Кто грести умеет?

– Я, – отозвался один из солдат – невысокий, крепкий паренёк с коротким ёжиком волос.

– Давай, Васильев! – кивнул ему Володя.

Мы спустили лодку на воду. Васильев сел на вёсла, я устроился на корме. Грёб солдат сильно и ровно, лёгкая лодка шла, словно под мотором.

– Рыбак? – спросил я его.

Солдат кивнул.

– Я из Шушенского, на Енисее. Слыхал? У нас знаменитое село.

– Конечно, слыхал, – улыбнулся я.

В селе Шушенском отбывал ссылку Ленин. Это знал каждый школьник в СССР.

– Поверни меня к гусёнку. Только осторожно, не задави его, – попросил я.

– Сделаю, – кивнул Васильев.

Он развернул лодку и стал потихоньку подплывать к бьющейся птице.

Увидев лодку, гусь сильнее захлопал крыльями. Его громкие крики разносились далеко над водой. Как можно было их не услышать? Но браконьеры спокойно спали.

Я протянул руки к птице. Гусь зашипел, изогнул шею и больно ударил меня оранжевым клювом.

Чёрт! И перчаток нет!

Мокрые крылья колотили по моим ладоням, холодные брызги летели в глаза. Птица ускользала, то и дело умудряясь ударить клювом.

Наконец, я сообразил, что делать. Поймал край сетки и вместе с ней втянул запутавшегося гуся в лодку через низкий борт. При этом придерживал его свободной рукой, чтобы не сломать лапы крепкими нитями.

Всё-таки, за ночь птица порядочно устала, иначе справиться с ней было бы труднее.

Капроновые нити крепко обмотались вокруг лап. Распутать их было невозможно. Не обращая внимания на удары клюва и крыльев, я достал нож и острым кончиком поддел нить ячеи. Нить лопнула. За ней другая и третья.

Лапы гусёнка освободились из плена. Но птица, не понимая этого, продолжала биться в лодке. Я подхватил её руками и вытолкнул за борт. Быстро перебирая лапами, гусь поплыл в сторону берега, в заросли тростника.

Я оглядел себя. вот чёрт! Мокрый с ног до головы, словно купался в одежде. Вода с рукавов штормовки течёт в лодку.

Васильеву досталось куда меньше, но он тоже порядком вымок. Глядя на меня, солдат весело улыбался.

– Давай вытащим сетку, – сказал я ему. – Не пропадать же рыбе.

Медленно двигаясь вдоль берега, мы вытащили сеть. В ней оказалось полтора десятка крупных карасей с медно-золотистыми широкими боками и шесть плотвичек величиной чуть больше ладони. Достойный улов! Стоило браконьерам ради него рисковать составлением протокола?

А ведь сейчас ещё и отпираться начнут, как нашкодившая ребятня. Скажут, что сетка не их, а они тут просто на донки рыбачили. И пойдёшь, докажи!

Ладно, не хватало мне ещё к их совести взывать. Сейчас составлю протокол, изыму рыбу. Пусть солдатики ухой побалуются.

Васильев развернул лодку, и мы поплыли к берегу.

Немилосердное летнее солнце напекло голову Васёк. Васёк застонал и повернулся на другой бок, пытаясь ладонью прикрыться от жары. Как назло, под рёбра подвернулось что-то твёрдое, колючее.

Васёк пошарил рукой и нащупал прошлогоднюю сосновую шишку. Не раскрывая глаз, отбросил её в сторону.

– Гляди-ка, проснулся трубочист! – весело сказал над ухом незнакомый голос.

– Кто здесь? – хотел спросить Васёк.

Но в горло словно насыпали песка, а распухший язык отказывался шевелиться.

Ох, мамочка! Зачем же было столько пить вчера?

Васёк вспомнил, как весело уговаривал Михалыча налить ещё по стаканчику. Чёрт! Ну почему никогда не получается отдохнуть культурно, без вот этого вот?

– Давай-давай, просыпайся!

В голосе не было ни капли сочувствия.

Упираясь руками в землю, Васёк приподнял голову. Голова немедленно отозвалась звонком и спазмами боли. Захотелось уткнуться лбом в прохладную траву и так замереть. Едрить твою!

– Да, хорошо они вчера погуляли!

Этот голос был ниже и рассудительнее первого.

Откуда здесь чужие люди? И где Михалыч?

Ноздри защекотал крепкий запах табачного дыма. Васёк с трудом разлепил глаза и увидел солдатский сапог.

Он попытался вскочить, но тело было чем-то крепко спутано. Васёк задёргался и окончательно проснулся.

На поляне было полно военных. Хоть и без оружия, но выглядели они решительно.

Влипли, понял Васёк. В животе похолодело.

Он приподнялся на локте и увидел, что рядом лежит Михалыч, с ног до головы замотанный концом сети. Сеть по траве тянулась к Васёку, и второй её край обмотал его тело.

Пока Васёк очумело пытался сообразить, что произошло, к нему подошёл молодой парень с кожаным планшетом в руках и значком егеря на груди. Поверх планшета был закреплён лист бумаги альбомного формата.

– Фамилия, имя, отчество? – строго спросил парень. – Место работы, должность?

– Дайте воды! – хрипло простонал Васёк.

И на всякий случай, добавил:

– Пожалуйста!

– Вчера не напились? – поинтересовался парень.

На лице его не было даже тени улыбки.

Васёк покаянно опустил голову.

Чьи-то руки поднесли ему ко рту кружку с озёрной водой. Васёк благодарно кивнул и принялся жадно пить. Холодная струйка потекла по подбородку.

– Спасибо! – тонким голосом сказал он, насилу отрываясь от кружки.

– Фамилия, имя, отчество, – снова спросил парень с планшетом.

Васёк назвался.

– Место работы, должность? Домашний адрес.

Пока Васёк отвечал, военные разбудили Михалыча. Ему тоже дали воды.

Михалыч напился и испуганно крутил головой. На Васька он не смотрел.

– Чья сеть? – спросили Васька.

Он хотел было начать отпираться. Но как тут отопрёшься? Сеть – вот она, стягивает руки и ноги. Васёк не помнил, как они вчера вытаскивали её, но доказательства-то налицо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.